

ГАЛИНА ТИМОШЕНКО
ЕЛЕНА ЛЕОНЕНКО

КОЛЛЕКЦИЯ НЕДОРАЗУМЕНИЙ

ПРИНЦИП
МАТРЕШКИ

Галина Тимошенко

**Коллекция недоразумений.
Принцип матрёшки**

«Издательские решения»

Тимошенко Г. В.

Коллекция недоразумений. Принцип матрёшки /
Г. В. Тимошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900192-4

После смерти отца Егор находит нечто такое, что заставляет его подозревать отца в отвратительных преступлениях. Думать об этом невыносимо, и Егор сразу же начинает собственное расследование. Тайны превращаются одна в другую, неприятные вопросы множатся, и жизнь Егора превращается в триллер...

ISBN 978-5-44-900192-4

© Тимошенко Г. В.
© Издательские решения

Коллекция недоразумений

Принцип матрёшки

Галина Тимошенко

Елена Леоненко

© Галина Тимошенко, 2019

© Елена Леоненко, 2019

ISBN 978-5-4490-0192-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гости на поминках особо засиживаться не стали. Первыми поднялись старые друзья отца, два отставных полковника в солидных годах – Борис Александрович и Станислав Сергеевич. У обоих было одно и то же профессиональное выражение лица – одновременно цепкое и любезное. Егор вышел следом за ними в прихожую, успев заметить, как младший из них, Станислав Сергеевич, надев шапку, по привычке попытался посмотреть в зеркало. Зеркало, как полагаются, было занавешено, и полковник метнул пристыженный взгляд через плечо, на открытую дверь в гостиную, хотя тем, кто там оставался, явно было не до происходящего в прихожей.

Борис Александрович, худой, жилистый и невысокий, с каким-то угловатым черепом и редким коротким ежиком волос, притянул Егора за плечи к себе и тихо прогудел ему в ухо:

– Ничего, мужик, все нормально. Дети и должны хоронить отцов.

Егор что-то невнятно промычал в ответ: охоты развивать тему у него не имелось.

Станислав Сергеевич, смирившись с отсутствием возможности проинспектировать собственный облик, решил внести свою лепту в завершение поминального ритуала:

– Земля ему пухом, как говорится... Как настоящий чекист умер, двадцатого декабря. Ты можешь им гордиться, сынок.

Егор снова промолчал: то, что отец, в свое время занимавшийся в органах госбезопасности какими-то физиологическими исследованиями, умер именно в день создания ВЧК, не казалось ему особым поводом для гордости. Тем не менее, эти два полковника были, в сущности, единственными отцовскими друзьями с давних пор, и все эти банальности им вполне можно было простить. В конце концов, кто им Егор, чтобы они вдруг начали подыскивать специально для него какие-то особые слова? У них свое горе, у него – свое. Помочь ему они всегда помогут, если понадобится, но для них он всегда был не более, чем сыном их друга Коли Силакова. Бывает, конечно, когда друзья родителей оказываются детям почти что вторыми папами или мамами, но в их случае этого не произошло. Да и вообще – большой вопрос: может ли сотрудник этих самых чертовски важных для страны органов по-настоящему дружить с кем-то из тех, чью безопасность охраняет – будь он хоть ученый-исследователь, хоть шпион, хоть кадровик? Впрочем, кто знает, что творится в их вежливо улыбающихся и внимательно наблюдающих головах...

Полковники обняли Егора на прощание, поцеловали руку вышедшей их проводить Марте Оттовне. Она, как и положено даме из хорошей немецкой семьи, даже не прослезилась, но обняла обоих мужчин чуть более порывисто, чем это было бы на прощании после обычной вечеринки.

Заперев за ушедшими дверь, Марта Оттовна все с тем же достоинством настоящей леди ушла в ванную. Егор тоскливо проводил ее глазами: он точно знал, что плакать мать не будет – ни сейчас, на людях, ни потом, в бывшей супружеской, а нынче перешедшей в ее безраздель-

ное пользование спальне. Наверное, для нее это так же невозможно, как выругаться или попудрить нос в метро. Воспитание мать получила хоть и не слишком соответствовавшее советским реалиям второй половины двадцатого века, но зато вполне отвечавшее представлениям ее родителей, поволжских немцев, о порядочности и правилах приличия. Завтракали и ужинали в доме всегда в одно и то же время, стол, покрытый клеенкой, считался вопиющим нарушением всего, чего можно, а в ушах у Марты Отговны даже рано утром в воскресенье красовались серьги, прекрасно гармонирующие с цветом ее домашнего туалета – не халата, упаси Бог, а именно туалета. Голос в доме мог повышать только отец, да и ему для выражения самых что ни на есть сильных чувств вполне хватало изысканной язвительности. Мать же всегда была воплощением хорошего тона, светских манер, надежности и дружелюбия – словом, идеальная женщина. Интересно, а отец-то хоть раз видел ее взлохмаченной и с горящими глазами?..

Егор отогнал от себя неподобающие в данной ситуации мысли и собрался уже было вернуться к оставшимся немногочисленным гостям. Не тут-то было: в прихожую вышли сослуживцы отца на его нынешней работе. Хотя теперь уже не на нынешней, а просто на последней. . .

Он с внутренней обреченностью приготовился к новой порции соболезнований. Ну почему, скажите на милость, человечество не соизволило придумать каких-то нормальных слов, которыми можно было бы разговаривать в подобных ситуациях?! Ведь понятно же, что почти все из тех, кто сегодня собрался на кладбище, а потом пришел на поминки, действительно горюют. И отца они на самом деле любили, и восхищались им, и мать с Егором они жалеют – но слова при этом произносят какие-то картонные. И кому от этих слов должно стать легче?

Но слова, к удивлению Егора, были произнесены довольно неожиданные:

– Извините, Егор Николаевич, мы понимаем, что сейчас не слишком подходящий момент. . . Но у нас время не очень терпит, поэтому вы уж нас простите. . . Дело в том, что мы бы хотели забрать все рабочие материалы отца. Исследования-то продолжаются, вы понимаете. . . Да, и еще, конечно, его ноутбук. Вы не возражаете?

Высокий лощеный человек, произнесший эту тираду вполне спокойным и уверенным голосом, несколько контрастировавшим с избытком извинений в словах, был Егору совершенно незнаком – в отличие от самого давнего отцовского друга Виталия Игоревича Черепанова (в просторечии дяди Виталика, каковым он был для Егора все тридцать лет жизни), который тоже относился к последним отцовским сослуживцам.

Егор выдержал холодную паузу, чтобы не выдать внезапно вспыхнувшего раздражения, и сказал:

– Момент действительно не слишком подходящий. Я надеюсь, вы не собираетесь осуществлять выемку прямо сейчас? Я думаю, мама хотела бы сначала сама разобраться все его документы.

– Ну что вы, Егор Николаевич, какая выемка?! Не сердитесь, мы все понимаем. Конечно, мы подождем. Просто хотелось бы, чтобы вы, если можно, не слишком с этим затягивали.

Вмешался Виталий Игоревич:

– Егор, не бери в голову, мы с тобой сами все решим. Ребята, не волнуйтесь, я лично все сделаю. Так будет лучше.

– Конечно, конечно, – поспешно согласились «ребята».

Послышался звук открываемой двери ванной, и Егор напрягся еще сильнее: если мать слышала этот разговор, то сохранение ее фирменного спокойствия может ей стоить слишком дорого. И правда, что за бесцеремонность?! Можно подумать, дело государственной важности – их социологические исследования какого-то очередного общественного мнения по какому-то очередному никому не интересному вопросу. . . Да и не в самом исследовании, небось, дело. За эти исследования деньги платят – и немалые, надо думать. Институт международный, а там, за границей, они ко всем этим опросам относятся просто ужас как серьезно.

Этим деятелям нужно все завершить в срок, чтобы точно так же в срок деньги получить – а мать должна прямо сейчас начать возиться со всеми этими бумагами, дисками и флэшками?!

Кстати, а ноутбук-то им зачем? Понятно, отец очень много работал дома, но при его безмерной аккуратности и педантичности во всем, что касалось работы, трудно предположить, чтобы он какие-то важные документы держал только в ноутбуке. Насколько Егор знал, отец ежевечерне сбрасывал всю информацию на флэшку, да частенько еще и не на одну – на всякий случай. Спасибо Черепанову: догадался быстро свернуть разговор. В последние дни вообще он словно бы взял на себя роль отца – во всяком случае, в том, что касалось заботы о матери. Егору даже казалось, что сейчас матери легче с дядей Виталием, чем с ним самим. Да и то сказать: все годы, что отец с матерью прожили вместе, тот постоянно присутствовал в их жизни на правах ближайшего друга главы семьи.

Отец с Виталием дружили еще со школы и умудрились ничего из этой дружбы не растерять даже в те годы, когда они учились на разных факультетах: отец на биологическом, а Виталий – на психологическом. И потом, когда отец работал в госбезопасности, а Виталий скучал в лаборатории социологических исследований на каком-то древнем, непонятно что в смутные перестроечные времена производящем заводе, – все оставалось по-прежнему. Жениться Виталий так и не собрался, но и Силаковым не надоедал, грамотно дозируя свое участие в их семейной жизни.

Как-то так незаметно случилось, что постепенно и для Марты Оттовны он стал не столько другом мужа, сколько просто другом. Егор даже подозревал, что некоторые вещи матери проще было рассказать Виталию, чем отцу. Может, в его улыбчивом круглом лице и вечно теплых карих глазах было меньше насмешливости, может, он больше, чем отец, был склонен молча внимательно слушать, ничего не комментируя... Да и сам Егор еще в детстве обожал визиты дяди Виталика, который (в отличие от серьезной матери и ехидного отца) мог часами играть с ним в любые мальчишеские игры, не обращая внимания на выбившуюся из брюк рубашку и покрытый потом лоб. Повзрослев, Егор так и не начал с Черепановым откровенничать, но относился к нему с максимально возможной для себя нежностью.

...После ухода бесцеремонных отцовских сослуживцев в гостиную оставались только подруги матери, пара дам, преподававших вместе с ней в университете какие-то гуманитарные науки, и двое друзей Егора. С Ильей Егор дружил еще со школы. Тогда это был любимец всех учителей – и, как ни странно, одноклассников: веселый хулиган, шутя учившийся на одни пятерки, так же шутя потом закончивший мехмат МГУ и без особых усилий недавно защитивший докторскую диссертацию. Правда, со школьных времен Илья несколько потяжелел и полысел – что, однако, нисколько не мешало его сокрушительному успеху у всех девушек от двадцати до пятидесяти лет.

С Андреем Егор сдружился много позже – в Институте эндоскопической хирургии, куда оба пришли работать сразу после интернатуры. Оба были хоть и менее блистательны во время обучения, чем Илья, но все же достаточно хороши, чтобы их взяли на работу в столь достойное заведение – причем заметьте, без всякого блата! Было бы даже смешно представить себе, чтобы старший Силаков согласился использовать какие-то связи для того, чтобы помочь сыну устроиться на хорошую работу. Просто и Егор, и Андрей интернатуру проходили в том же институте.

Егор покорило сердце ныне покойного профессора Вилюшкина тем, что задавал больше вопросов, чем все остальные интерны, вместе взятые, и имел достаточно наглости, чтобы потом еще и проверять полученные ответы. Когда он в очередной раз рискнул поспорить с Вилюшкиным, оперируя информацией, почерпнутой накануне ночью из журнала Американского хирургического общества, тот не выдержал и сказал:

– Знаете, юноша, ежели вы такой умный, придется вам здесь поработать подольше. Вот тогда и посмотрим, будете ли вы продолжать спорить, когда количество ваших операций будет зависеть от моего доброго отношения к вам.

Честно говоря, спорить Егор продолжал и после интернатуры – только после смерти Вилюшкина это чаще всего не имело столь приятных последствий.

Андрей был анестезиологом в пятом поколении, и, похоже, все московские врачи были знакомыми его родителей. Для них сама его фамилия была своего рода гарантией наличия всего необходимого хорошему врачу – поэтому оказалось само собой разумеющимся, что он вполне годится для интернатуры, а потом и для ординатуры Института эндоскопической хирургии. В ординатуре-то они и сдружились с Егором, поскольку обнаружилось, что оба между операциями любят поиграть в шахматы. Потом нашлись и многие другие, жизненно важные для дружбы между двумя молодыми мужиками параметры сходства – и в результате Андрей вполне естественно влился в компанию школьных друзей Егора. Сегодня еще один из этой компании не смог прийти ни на кладбище, ни на поминки, хотя и знал Егорова отца уже много лет: как на грех, оказался в командировке.

Андрей, завидев Егора в дверях гостиной, налил полную рюмку водки и молча протянул ему. Егор сел рядом и послушно водку выпил. Илья, более сентиментальный, чем два врача, подвинул стул поближе и обнял Егора за плечи:

– Наверно, хуже всего то, что это как-то так внезапно... Когда человек долго болеет, к этому еще можно как-то подготовиться. А так...

Андрей, заметив, как напряглись скулы у Егора, прервал Илью:

– Хорош митинговать, математик. Ты не пробовал ни того, ни другого – и слава Богу. Так что помолчи пока.

Полная неожиданность отцовской смерти выводила Егора из хоть какого-то подобия душевного равновесия: ему не давало покоя то, что он, врач, просмотрел у отца какие-то симптомы. Конечно, он знал, что у мужчин старше сорока острая сердечная недостаточность может вдруг случиться без всяких предварительных осложнений. Но чтобы на фоне полного здоровья... Единственное, что мучило отца – и то весьма редко, – была изжога. Обследоваться по этому поводу отец категорически отказывался, и после нескольких бесплодных попыток Егор оставил надежду уговорить отца воспользоваться медицинскими знаниями собственного сына. Да и самого его отцовская изжога не особо волновала, поскольку возникала она только после очень уж крамольных с точки зрения диетологии блюд. Ну имеет право человек, в самом-то деле, на одно-единственное несерьезное недомогание?! И вдруг...

Не то чтобы он всерьез себя винил в смерти отца – слишком много всякого разного видел он на своей работе, чтобы быть столь самонадеянным, – но мысли его постоянно вертелись вокруг этого вопроса: что он упустил?

Проснулся Егор наутро с ясной головой – ясной просто до отвращения. Напиться накануне ему не удалось: он пил, и пил много – только почему-то все никак не пьянелось. Точно так же не пьянелось ему все три дня, прошедшие после того, как мать обнаружила отца в его кабинете – без малейших признаков жизни, за рабочим столом, на котором ворохом лежали старые фотографии. Это тоже не давало Егору покоя: он не понимал, как могли эти фотографии быть связанными с отцовской смертью. Что-то здесь было не так – или Егору казалось, что не так: тогда получилось бы, что не он просмотрел нечто важное, а на самом деле что-то было не так...

Он вышел на кухню в надежде, что мать еще спит: пусть хоть немного отдохнет после всех этих соболезнований, комьев на могилу, цветов, которые почему-то пахли как-то особенно удушающе. Кто их знает, может, они всегда так пахнут зимой? На фоне свежести снега, например...

Но Марта Оттовна уже стояла у плиты и варила традиционный утренний кофе: все должно быть, как всегда, что бы ни происходило. Опускаться нельзя. А в категорию «опускаться» у матери входило и отсутствие свеженакрахмаленной скатерти, и небрежная прическа, и домашние шлепанцы, и неаккуратные бутерброды – словом, все, что могло бы внести хоть самый ничтожный диссонанс в неизменную атмосферу домашнего уюта их родового гнезда.

На столе стояло три чашки. Мать подхватила турку, обернулась к столу – и замерла.

Да, подумал Егор, а этот из гнезда выпал...

Он встал и молча убрал третью чашку. Марта Оттовна дернулась было его остановить, но тоже промолчала и разлила кофе по чашкам. Кофе, видимо, варился тоже в автоматическом режиме: в турке оставалась ровно одна порция.

– Не надо, мам, – негромко сказал Егор.

– Что не надо? – ровно, не глядя на него, поинтересовалась мать.

– Чем скорее ты привыкнешь, что все так и есть, тем лучше. Иначе можно свихнуться. Поверь, я знаю. Я видел.

Кофе пили долго: надо же было чем-то себя занять. Как на грех, было воскресенье, и следовало еще решить, что они будут делать целый день. Наконец мать все тем же ровным голосом спросила:

– Чего хотели папины сослуживцы?

Егор с деланным удивлением поднял брови, но мать досадливо нахмурилась:

– Да ладно, говори уже. Я ведь слышала ваш разговор. Голос у тебя был какой-то...

В общем, ты с ними не просто прощался.

Егор несколько мгновений раздумывал, стоит ли говорить матери о просьбе отцовских коллег, но потом все-таки решил, что любое дело сейчас для нее будет лучше, чем воскресное ничегонеделание.

– Они просили, чтобы мы не слишком затягивали с разбором всяких документов, которые остались от... папы. Они хотят забрать все рабочие материалы, даже ноутбук. У них какие-то исследования остановились без этих материалов, а там сроки... Но дядя Виталий сам все заберет на днях. Только сначала нам с тобой надо самим все разобраться. Ты... готова?

Он специально будто оправдывал не слишком приличную торопливость вчерашних гостей, чтобы мать не отказалась всем этим заниматься.

На обдумывание ей понадобилась целая минута. Хотя как знать – может, не на обдумывание, а опять-таки на приведение своего голоса и всего прочего в подобающий порядок?

– Хорошо. Я сейчас помою посуду, и займемся. Только со всякими компьютерными штучками будешь разбираться ты, а я займусь всем остальным.

Кабинет отца всегда был заповедным местом – не только для Егора, но и для Марты Оттовны. В детстве он казался Егору неким таинственным замком, символом величия отца: каждый раз, входя туда, он одновременно и немножко съеживался, и гордился, что ему открывается доступ в святая святых – Место, Где Работает Отец. Интересно, а как все это было для матери? Во всяком случае, она никогда не входила к отцу без стука – и уж конечно не открывала дверь в кабинет в его отсутствие.

Даже убирался в кабинете отец всегда сам. Все это вовсе не означало, что отец специально что-то скрывал от своих домашних: просто Егор с матерью знали, что у отца важная, сложная, а до определенного момента и действительно секретная работа.

Отец любил повторять чью-то фразу: «Настоящий исследователь – как бульдог, который схватил кость и пока не разгрызет ее, не сможет отпустить, даже если сам того очень захочет». Соответственно, ни Егору, ни Марте Оттовне как-то не очень хотелось приставать к бульдогу в тот момент, когда он свою кость грызет. Поэтому даже сейчас, когда было очевидно, что никто

никакую кость точно не грызет и больше никогда грызть не будет, мать с сыном одновременно и непроизвольно слегка замедлили шаги перед дверью в отцовский кабинет.

Егор предоставил матери право войти первой. Она пару раз моргнула и все-таки рискнула открыть дверь.

В кабинете все оставалось точно так же, как было несколько дней назад, когда Марта Оттовна, встревоженная отсутствием ответа на ее стук в дверь, отважилась заглянуть туда без разрешения. Только сейчас стул был отодвинут от стола: это врачи скорой помощи укладывали хозяина на носилки, когда стало очевидно, что никакие реанимационные мероприятия не стоит даже и начинать.

Марта Оттовна решительно прошла к письменному столу, распорядившись:

– Ты, наверное, лучше заведи ноутбук к себе, а я пока разберусь в ящиках.

Егор подозрительно глянул на нее, но спорить не осмелился.

На всякий случай он открыл несколько папок на рабочем столе ноутбука: все файлы в них были защищены паролями. Это было удивительно, но не слишком: как любили говорить два старых полковника, бывших чекистов не бывает, а привычка – вторая натура... Нравилась отцу мальчишеские игры в конспирацию – что ж тут такого?

Егор легонько погладил клавиши ноутбука, еще немного посидел над ним и направился в кабинет. Снова замедлил шаги перед дверью (интересно, когда-нибудь выветрится из всяких его душевных закоулков детский благоговейный трепет перед этой комнатой?) и осторожно заглянул внутрь.

Марта Оттовна с растерянным лицом сидела перед отцовским столом, держа в руках какую-то потрепанную книжку. Такими обычно бывают читаемые в метро детективы или дамские романы.

– Егорюшка, ты случайно не знаешь, откуда это у отца?

Да уж, действительно... Отец никогда в жизни не читал ни детективов, ни какой бы то ни было другой литературы такого рода, ограничиваясь исключительно литературой профессиональной. Когда он отдыхал – что, надо сказать, случалось не слишком часто, – то баловал себя тем, что он считал высочайшей классикой: Толстым, Золя, Гюго, Плутархом, Карамзиным, философами разных веков... И откуда, в самом-то деле, у него взялся какой-то бульварный романчик? Подобные книги его возмутили бы даже в руках жены и сына – не то чтобы самому их читать. Тогда откуда?..

– Дай-ка глянуть...

Какой-то Никита Соснин. «Эксперимент 2X». Видать, заслуженная книжка, много раз читана. И возраст-то у нее весьма почтенный: издана аж в 1993 году. Это что ж, отец в 1992 году ушел из КГБ по причине начала развала вышеупомянутой организации и с горя пристрастился к такому чтиву?!

Да вроде горевать-то ему тогда было особо некогда: его практически сразу же пригласили на нынешнее (черт возьми! не нынешнее, а последнее...) место работы. В то время всякие западные институты, их филиалы и прочие подобны конторы росли на обломках Союза, как грибы дождливым теплым летом. Именно тогда некий немецкий институт социологических исследований открыл в Москве собственный филиал, в который срочным порядком начали набирать людей.

Каким уж образом немецких социологов заинтересовал человек, всю жизнь занимавшийся физиологическими исследованиями для КГБ, которым, наверное, на их благополучном Западе непослушных детей пугали, было решительно непонятно. Но для их семьи это приглашение выглядело просто манной небесной: в начале девяностых матери в университете платили ровно столько, чтобы хватало на квартплату и электричество. Егору было тринадцать, и финансового толку с него не было никакого – одни сплошные расходы. В органах госбезопасности служивых тогда деньгами тоже отнюдь не баловали: многие вообще по ночам частным

извозом подрабатывали. Так что дома вопрос, принимать ли отцу столь заманчивое предложение – зарплаты в начинающем свою деятельность филиале были вполне европейские, – даже не вставал. Вот отец предложение и принял – и, насколько знал Егор, никогда потом не пожалел об этом, даже на одну коротенькую секундочку.

Поскольку поначалу отцу пришлось резко менять направление деятельности и читать кучу социологической и психологической литературы, то времени на развлекательное чтение у него не оставалось вообще. Ему этого времени и на сон-то не хватало – не говоря уж о неспешном и обстоятельном общении с домашними. С чего же у него вдруг образовалась этакая странная книжица? Или это вообще не его? И что она тогда у него в столе делала?

– Мам, а где ты ее нашла-то? – поинтересовался Егор.

– Да в нижнем ящике, в самой глубине. Представляешь себе, как я удивилась?

Да, не слишком информативно. Правда, любое другое место обнаружения детектива тоже вряд ли дало бы какую-то полезную информацию...

– А у тебя что? Ты уже все посмотрел, сынок?

– Да. В ноутбуке одни рабочие материалы. Правда, очень странно: представляешь, все файлы под паролями! От нас их отец прятал, что ли? Или это все отягощенный анамнез? Госбезопасность жила, жива и будет жить, холодная голова, чистые руки и все такое...

Мать неодобрительно поджала губы. Понятно. Дома еще долго нельзя будет шутить на эту тему: нечего топтаться по маминым нравственным и прочим устоям. Самому Егору вовсе не обязательно было хранить скорбную сдержанность в словах и жестах, чтобы каждую секунду помнить: отца больше нет. Да и не удалась бы ему такая сдержанность: профессия не та. Как известно, нет больших циников и матерщинников, чем хирурги, – но воспитанной со всей немецкой корректностью матери об этом знать не стоит.

Марта Отговна, конечно, отличалась недюжинным самообладанием, но все же ей периодически приходилось замирать над стопками бумаг и всякими мелочами, чтобы не пустить на волю собственные эмоции. Поэтому Егор счел за благо оставить ее в кабинете одну: пусть хоть на это сил не тратит. Хотя... Она же, наверное, не перед ним лицо держит, а перед самой собой. Или как?

Тем не менее Егор ушел на кухню, захватив с собой загадочный «Эксперимент 2X». Ему вдруг показалось крайне важным понять, почему в отцовском столе оказалась именно эта книга. Выходит, отец лукавил, когда вел свою борьбу за высокие литературные идеалы? Или эта книга и была тем самым опытом, после которого отец так безвозвратно разочаровался в современной литературе? Но тогда зачем источник печального опыта хранить столько лет? А если все-таки лукавил – то зачем?!

У Егора вовсе не было уверенности, что чтение странной книги даст ему ответы на все эти вопросы. Однако так или иначе, но какое-то значение книга для отца имела – а, значит, имеет сейчас значение и для самого Егора. Поэтому он вытащил из холодильника остатки вчерашней еды, налил себе в чашку остывшую (отцовскую...) порцию кофе и углубился в чтение.

...Очнулся Егор, когда за окном уже было совсем темно. Он машинально кинул взгляд на часы: семнадцать десять.

Чтобы прийти в себя, он подошел к окну, прислонился лбом к холодному стеклу и закрыл глаза. Голова все равно горела, и он распахнул створку окна. Зачерпнув снега с подоконника, вытер им лицо. Помогло мало.

Послышались шаги матери. Она замерла в дверях, потом медленно подошла к сыну и тихонько погладила его по спине:

– Что-то ты зачитался, сынок...

– Ты закончила, мам? – не оборачиваясь, спросил Егор.

– Давно. Я просто тебя не хотела беспокоить. Что тебя так увлекло?

Он обернулся, обнял ее и неопределенно ответил:

– Да так, ничего особенного. Видимо, у нас с отцом это семейное.

– Ты о чем? – переспросила Марта Оттовна.

– Да вот... книжки эти...

Она отстранилась и посмотрела сыну в лицо:

– А ты что – тоже такие... книги читаешь?

Егор предпочел свернуть разговор:

– Ты устала? Ужинать-то будем? Готовить вроде как не надо, там столько еды осталось...

– Да-да, конечно, – спохватилась мать. – Сейчас я накрою.

Егор мысленно выругал себя за дурную инициативу: меньше всего ему сейчас хотелось общаться – пусть даже и за ужином.

– Ты сама-то есть хочешь? А то я, в общем-то, просто так спросил. Я тут вроде как бутербродов пожевал... Ты бы лучше отдохнула, а?

Мать с плохо скрываемым облегчением присела на стул:

– Я не хочу. Ты сегодня где ночуешь?

– Как это – где?! Ты меня выгнать собираешься? – возмутился Егор. – У меня до завтра никаких планов не было, ты уж извини.

Они еще немножко побросались ничего не значащими фразами, и мать ушла в спальню. Егор побродил по кухне, собираясь с мыслями. Остановился перед столом, глядя сверху вниз на потертую обложку «Эксперимента 2X».

Ну и что ему теперь со всем этим делать?

Книга, изданная во времена, когда КГБ не пинал только ленивый, и когда любая развесистая клюква на тему зверств и прочих гадостей в подвалах Лубянки шла на «ура», чем-то все же отличалась от своих быстро состряпанных в те годы собратьев. Речь в ней шла о некоем эксперименте, проводившемся в закрытом научно-исследовательском институте. Двадцати людям под гипнозом давали приказ убить человека, подкрепляя внушение еще и каким-то электромагнитным воздействием. После окончания эксперимента испытуемым сообщили: половина из них полученный приказ выполнила и своих жертв прикончила. Один из двадцати испытуемых был своего рода «играющим тренером» – о чем, разумеется, остальные девятнадцать даже не подозревали. Именно он по секрету и сообщил остальным об итогах эксперимента, ссылаясь на какой-то подслушанный им разговор. Он же рассказал и о том, что природа использованного в эксперименте излучения до конца не изучена: есть предположение, что оно способно приводить к необратимым и сокрушительным изменениям психики. В общем, вполне может случиться так, что был человек – стал овощ. Или какой-нибудь маньяк. Или просто тихий шизофреник. А может, и ничего такого страшного не произойдет, кто знает.

Соответственно, дальнейшее развитие сюжета было про то, как бедные испытуемые всю эту информацию переваривали. А переваривали они ее, конечно же, плохо, часто встречались и пили. Сначала многократно пережевывали все происшедшее, а потом по большей части молчали, потому как немоготу уже было говорить ни о том, что половина из них – наверняка убийцы, ни о том, что может ожидать их в ближайшем будущем. И если по поводу первого каждый втайне надеялся, что его чаша сия миновала, то про второе ни у кого такой надежды не было. Их, конечно, продолжали регулярно обследовать, но услышать от исследователей правду о собственном психическом состоянии не рассчитывал никто. Как известно, что бы ни придумали ученые, в результате все равно получается какая-то гадость, преимущественно – оружие.

И в какой-то момент вся эта компания, измученная тягостным ожиданием, договорилась о том, что кто-то из них (кто именно, так и осталось непонятным) будет очень внимательно наблюдать за остальными. Если он обнаружит какие-то серьезные признаки распада психики у кого-то из них, то поможет такому человеку уйти из жизни.

Оставался довольно непростой вопрос: а что будет, если у самого человека, назначенного «главным эвтанатором», появятся грозные признаки распада личности? Но и эта неясность, как выяснилось, была вовсе не промахом автора этого жутковатого триллера, а хорошо спланированным драматургическим ходом: оказалось, что у книги есть второй том, которого мать, очевидно не нашла. Спросить-то у нее, конечно, не мешает: может, просто промолчала? Во всяком случае, даже если нашла, она его точно не выкинула, так что ничего страшного. Успеется.

Сюжет был выстроен весьма увлекательно, и написана книга была достаточно неплохим языком – но потрясло Егора отнюдь не это. На самом-то деле он вовсе не чурался ни детективов, ни вообще современной литературы – по крайней мере, того, что хоть в каком-то приближении можно было литературой назвать. Так что для него «Эксперимент 2X» никакой особой новинкой в смысле жанра не стал.

Дело было совершенно в другом. Егор мог дать голову на отсечение, что прототипом главного героя книги – того самого играющего тренера – был его отец. Ошибиться было невозможно. Любимые словечки, все его неукротимое ехидство, отношение к самым различным вещам, какие-то чисто биографические детали... Его сыну Юре было ровно столько, сколько Егору, и даже любимой игрой Юры были шахматы. Жена главного героя была, правда, не немкой, а латышкой – но сходство латышского характера Ильзы Вильгельмовны и немецкого характера Марты Оттовны было абсолютно очевидным.

Егор лежал на диване в гостиной, где он ночевал всегда с тех пор, как лет пять назад стал жить отдельно от родителей. Квартира ему осталась в наследство от бабушки – отцовской матери: перед смертью та болела достаточно долго и тяжело, чтобы по достоинству оценить медицинские таланты собственного внука. Постель он еще не расстилал и отнюдь не был уверен, что ему сегодня стоит это делать: уснуть вряд ли удастся.

В комнате было темно, по стенам метались огни от фар проезжавших по двору машин. Вопросы множились, как тараканы.

Правда это все или нет? В те годы распад страны затронул все, что можно, и госбезопасность не стала исключением – во всяком случае, судя по рассказам отца. Значит ли это, что тогда возможным оказалось выпустить книгу, в которой описывался бы реальный эксперимент? При чем эксперимент, к которому Силаков-старший имел самое непосредственное отношение?

Если же нет – кто тогда это написал? И откуда этот «кто-то» мог знать такое количество семейных шуточек и всяких милых домашних мелочей? Кто-то из самого ближнего круга? И как тогда отец отнесся к тому, в какой роли он сам оказался выведен в такой книге? Сохранились ли у него отношения с человеком, который это написал? И знал ли он вообще, кто автор книги? Ведь Никита Соснин – это вполне может быть и псевдоним...

А если это все-таки правда? Ведь чем-то отец занимался в своем закрытом институте – так почему бы и не этим? Он никогда не рассказывал ни жене, ни сыну о своей работе – да они и не спрашивали, будучи опытными домочадцами человека, имеющего отношение к тайной канцелярии.

Собственно говоря, причастность отца к деятельности этой самой канцелярии на протяжении всей Егоровой жизни была единственной каплей дегтя в его отношении к отцу. Правда, пик ненависти к госбезопасности пришелся на те годы, когда Егора вполне можно было еще считать дитятей неразумным, и потому повлиять на его представления об отцовской работе никоим образом не смог. Однако, став постарше, Егор прочитал чуть ли не всю так называемую «перестроечную» литературу с ее ядовитыми разоблачениями и надолго задумался.

Помнится, в порыве подросткового негодования он даже пристал как-то к отцу с вопросом, как тот мог в свое время связать свою жизнь с подобной богопротивной конторой. Отец тогда сделал то, чего не делал больше никогда. Он сказал: «Давай-ка, сын, подождем, пока ты

немного подрастешь, – тогда и обсудим». Обычно-то он считал необходимым обстоятельно отвечать на любой вопрос сына, а тут...

Вышло так, что к этому разговору они больше никогда не возвращались, а со временем категоричности у Егора несколько поубавилось. Однако неутоленное удивление так и продолжало лежать легчайшей тенью на его представлениях об отце. Как можно было с такой страстью и радостью – а Егор точно помнил, что отец всегда с нетерпением бросался к себе в кабинет, как только у него возникала какая-то очередная идея, – относиться к ТАКОЙ работе?! Его отец – при всей его язвительной насмешливости такой добрый, ласковый, заботливый... Он действительно все это проделывал с людьми?! И не только проделывал, но наверняка ведь и какие-то возможности использования результатов таких экспериментов предполагал... И кого же они, интересно знать, использовали тогда в качестве жертв?

Егор поймал себя на том, что думает обо всем прочитанном, как о реальности. Но почему?! Почему он позволил себе поверить, что его отец...

Не может быть. Ничего этого не было. Просто кто-то таким образом в лихие времена решил денег подзаработать. На что спрос был, про то и писал.

Но физиологические подробности эксперимента были описаны со знанием дела, тут-то уж Егор вполне мог разобраться. Значит, этот человек тоже работал вместе с отцом? Черт, стоп. Ничего не было. Это все фантазии.

А если не фантазии? На некоторых страницах были полустершиеся карандашные пометки отца, вовсе не похожие на возмущение прототипа отведенной ему крамольной ролью. Скорее они напоминали небольшие фактические поправки, уточняющие рассказ о безумном опыте.

Егор находился в состоянии, которое напомнило ему его юношеские опыты в бассейне. Года три он занимался плаванием, а потом бросил. Ему попросту надоело, что его результаты на тренировках неизменно оказывались существенно лучше, чем на соревнованиях. Черт его знает, почему так получалось. Вроде бы он никогда не боялся ни экзаменов, ни публичных выступлений, да и вообще никакой такой избыточной значимости для него в соревнованиях не было – но раз за разом он либо в режиме фальстарта обрушивался с тумбочки в воду и начинал в одиночку отчаянно грести под хохот трибун, либо просто приходил предпоследним, хотя старался изо всех сил. Он до сих пор помнил столь ненавидимое им состояние «на стартовой тумбочке», когда вибрирует, кажется, каждая мышца и каждый нерв: он ведь тогда не знал еще, что нерв вибрировать не может, поскольку работает по совершенно иным принципам. Сейчас ему точно так же казалось, что все молекулы его тела рвутся разлететься в разные стороны – от сумасшедшего нервного напряжения.

Он выскочил в коридор, стараясь не шуметь, оделся и вышел.

На улице тоже легче не становилось, но там он по крайней мере мог быстро шагать и размахивать руками, чтобы тратить энергию хоть на что-то еще, кроме изматывающих вопросов.

Хорошо, допустим, что все это – правда. Что из этого следует?

А следует из этого то, что его отец не просто экспериментатор в духе доктора Менгеле, но еще и с пятидесятипроцентной вероятностью – убийца. Хотя убийцей он мог и не быть, раз играл роль подсадной утки. Зачем экспериментаторам было подвергать опасности человека, который поставлял им массу необходимой информации? Да и не подходил он для них в качестве испытуемого, раз был в курсе всего.

Опять стоп. А если отец и был этим самым «главным эвтанатором»? Тогда снимается вопрос насчет того, кто должен был помогать главному эвтанатору, если бы проблемы с психикой начались у него самого. Но как отец мог бы использовать этот довод, не расшифровывая себя?

А может, ему и не обязательно было этот довод использовать. Ведь пока неизвестно, что во втором томе. Кстати, где этот самый второй том? Почему его у отца не оказалось? Может, все-таки мать его нашла? Но тогда это значило бы, что два тома лежали в разных местах. А почему?

Егор остановился и задрал голову к небу. Снег летел ему навстречу, подсвеченный фонарями, с такой скоростью, как будто там, сверху, кто-то с силой швырял его вниз. Кстати, интересно: снег же легкий – откуда вообще у него тогда скорость-то такая берется?

Пора идти домой. Не всю же ночь по улицам шататься, в самом деле. Может, мать еще не спит – можно будет про второй том спросить.

Марта Оттовна, похоже, все-таки позволила себе поплакать: во всяком случае, на звук открываемой двери она из комнаты не вышла, а появилась на кухне только спустя минут двадцать, когда Егор уже снова стоял у окна.

– Ты ходил гулять? – спросила она не слишком твердым голосом. Егор обернулся.

– Мам, а давай я тебе валокординчику накапаю, и ты поспишь, а?

– Ты же сам всегда говоришь, что валокордин ни от чего не помогает.

– Так он ни от чего и не помогает, я его тебе как снотворное накапаю. Давай?

Мать ничего не ответила, и Егор решил расценить это как знак согласия. Накапал ей валокордин в тонкую рюмочку, что вызвало у матери легчайшую гримасу неудовольствия: рюмка была предназначена отнюдь не для лекарств. Гримаса была проигнорирована, мать напоена лекарством, и Егор, обняв ее за плечи, повел в сторону спальни.

Кровать была отчаянно смята, створка окна приоткрыта, но какой-то неуловимый аромат недавних слез все равно витал в воздухе. Егор слегка погладил Марту Оттовну по голове:

– Ложись, мамуль. Спать ведь все равно когда-то придется, так почему не сейчас?

– А ты?

– Да я еще немного ту книжку читаю... Кстати, а второй том ты не находила? – безразличным тоном проронил он.

– А у нее и второй том есть? – удивилась мать так, как будто бы наличие второго тома было абсолютной привилегией классической литературы.

Это же надо, поразился про себя Егор, таким невинным голосом – и так недвусмысленно выразить всю глубину своего презрения ко всему, что было написано после ее любимых немцев.

– Я надеюсь, ты не слишком восхитился этим чтивом? – Марте Оттовне все никак не давали покоя материнские обязанности и любовь к хорошей литературе.

Нет, вы только посмотрите: можно подумать, что сын впервые в жизни попробовал алкоголь, и мать тревожится, чтобы он не пристрастился к разгульной жизни!

– Нет, мамочка, успокойся. Просто раз папа ее читал...

Конечно, удар был ниже пояса, но надо же было Егору как-то убедить мать в том, что он не просто пытается развлечь себя в нынешних печальных обстоятельствах.

Егор нежно поцеловал Марту Оттовну, пожелал ей спокойной ночи и закрыл за собой дверь.

Итак, второго тома нет. И где можно сейчас найти книгу 1993 года рождения, скажите на милость? Причем отнюдь не столь любимую родителями классику, которая умудрялась издаваться и переиздаваться даже и в те малоприятные годы. Этой книжонки и в интернете-то может не быть: кому могла взбрести охота ее искать, сканировать или тем паче перепечатывать, чтобы повесить в сети? Все, что издавалось на гребне разоблачений, обнажений и дискредитации, в основном в прошлом и осталось. Мало что дожило до наших дней. Но порыться в сети все-таки стоит: чем черт не шутит?

Можно и дома получше покопаться: мать-то только в кабинете разбиралась. Да и то – до книжных полок она, например, наверняка не добралась. Где еще? В отцовском любимом портфеле с кучей отделений, сделанном невообразимо давно из отличной кожи? Кстати, его тоже разобрать придется, чтобы уж совсем по-честному выполнить просьбу этих... крахмальных воротничков из его института.

Тумбочка с отцовской стороны кровати. Нет, там вряд ли. Все-таки супружеская спальня, а не кабинет. Мать вполне могла иметь доступ к содержимому этой тумбочки, а отец, судя по всему, не слишком рвался демонстрировать домашним сей литературный продукт.

Значит, остается только кабинет, но сейчас – не лучшее время для повторения экскурсии туда. Завтра с утра – на работу, но можно ведь вечером снова прийти. Мать будет только рада. Вообще неплохо было бы попочевать у нее с недельку, но Машка...

Кстати, о Машке. Он ведь даже не удосужился ей позвонить и сообщить, что он пропадет на несколько дней. Вернее, не столько не удосужился, сколько поначалу не хотел объясняться и выслушивать предложения помощи и поддержки, а потом уже закрутился и попросту забыл. Надо, конечно, перестать быть поросенком и позвонить. Хотя чем Машка хороша – так это как раз тем, что на пустом месте скандалов не устраивает. Ее, конечно, может занести, и тогда мало не покажется, но для этого Егор должен вытворить что-то совсем уж непотребное.

Вообще-то девушки у Егора обычно задерживались не слишком надолго. Конечно, менялись они не так часто, как у Ильи: тот, при всем своем неотразимом очаровании, предпочитал скорее иметь вокруг себя обширное дамское общество, состоящее сплошь из его поклонниц, нежели выделять из них какую-то одну. Но мотивы смены девушек у них обоих были примерно схожими: эстетические и сексуальные потребности оказывались удовлетворенными достаточно быстро, а всякое прочее общение с теми девицами, которые с эстетической и сексуальной точек зрения представляли интерес, быстро оказывалось не настолько привлекательным, чтобы отношения продолжать. Егор мгновенно утомлялся от переговоров с дамами, которые не подозревали о существовании «Лед Зеппелин», Соммерсета Моэма и Босха. Не то чтобы сам Егор был особым знатоком или рафинированным снобом, но некоторые имена для него были своего рода точными индикаторами общего уровня человека – а может, просто того образа мышления, который в принципе мог являться для него интересным.

Однако Машка на этом фоне выделялась довольно приятным образом: все, что положено знать, она знала, думать на всякие отвлеченные темы тоже была готова в любой момент, но главное – была не навязчива, вела довольно бурную профессиональную жизнь и имела достаточное количество собственных друзей, чтобы не претендовать на постоянное совместное времяпрепровождение.

...Познакомились они полгода назад при весьма забавных обстоятельствах. Егор тогда приезжал к одному знакомому хирургу-полостнику на Пироговку. Местная парковка была забита под завязку, и ему повезло припарковаться вдоль тротуара. Около часа он обсуждал со знакомым больного, которого тот планировал перевести в институт к Егору. Потом вышел на улицу и направился к машине.

Его джентльменистый «Ренджровер», по самые брови заляпанный грязью от проезжавших мимо него машин, мирно ждал своего хозяина в длинной веренице автомобилей, растянувшейся вдоль тротуара. И в этот самый момент «Волга» – такси, стоявшая через одну машину позади Егорова автомобиля, почему-то с отчаянным визгом шин прыгнула строго вперед, вписалась в задний бампер дремавшей перед ней маленькой фиолетовой «Фиесты». Та в строгом соответствии с законами физики врезалась в зад «Ренджроверу». Сработало сразу несколько сигнализаций: видимо, соседние автомобили тоже прониклись сочувствием к обоим пострадавшим и поддержали разгневанный вой «Фиесты» с «Ренджровером». Таксист, то ли

обладая должным количеством порядочности, то ли просто обалдев от содеянного, остался на месте.

Егор понимал, что его тяжеленный джип вряд ли особо пострадал от панического наскока легкой «Фиесты». Тем не менее разозлился он порядком: это ж надо быть таким идиотом, чтобы в подобной ситуации стартовать на полном газу прямо вперед!

Лицо таксиста, не слишком поспешно выбиравшегося из своей «Волги», вполне оправдывало предварительное мнение Егора по поводу его умственных способностей. Таксист долго и сокрушенно осматривал подвергшийся атаке задний бампер «Фиесты» – видимо, надеясь, что он от столь пристального внимания как-то сам собой выпрямится и приобретет первозданный вид.

Егор неторопливо подошел сзади и вкрадчиво поинтересовался:

– Ну, мужик, и как тебе это удалось?

Тот подпрыгнул, как ошпаренный, обернулся и сразу нудно забормотал:

– Я в полночь смену начал, это ж сколько можно по городу мотаться... Только встал чуть отдохнуть, диспетчер звонит... Я ей говорю: устал, а она – ничего, мол, работай давай, а то денег все хотят...

– Хорошо, я понял, ты устал, – кивнул Егор. – А ты всегда, когда устаешь, с закрытыми глазами едешь?

Таксист продолжал оправдываться:

– Так она орет, давай, говорит, скорее, а то в твоём районе никого больше нету...

– Слушай, страдалец, ты мне зубы не заговаривай, а? Ты со сна, что ли, педали перепутал?

Бедолага кинул на Егора испуганный взгляд, пытаясь оценить его социальный статус, и изо всех сил замотал головой:

– Не спал я! Кто ж на работе спит?!

– Понятно. Значит, пьяный, – спокойно констатировал Егор.

Тот вовсе переполошился:

– Да ты что, друг?! Я вообще не пью! Ну задремал маленько, даже сам не заметил...

А когда она заорала, перепугался, ну и...

Егор решил не пресовать таксиста дальше: никуда тот не денется, в таксистских компаниях обычно все машины застрахованы, гаишников дождется. Однако отойти не получилось, потому что таксист продолжал ныть:

– Ты бы знал, что это такое – работать по восемнадцать часов...

Внезапно Егор снова разъярился:

– Я много чего знаю! Не можешь столько работать – отвечай на телефонные звонки за десять штук в месяц!..

Он бы, наверное, развивал эту тему и дальше, но его отвлек звучный девичий голос с почти актерскими интонациями:

– Оля-ля! Ничего себе у нас таксисты ездят!

Егор раздраженно обернулся, готовый продолжать буйствовать, но девушка была хороша и интеллигентна: не слишком высокая, очень тоненькая, с тонким, немного кавказского типа лицом и роскошной гривой длинных темных вьющихся волос. Она весело смотрела на автомобильное побоище огромными хитрыми глазами и, похоже, была нимало не расположена ругаться.

...Гаишников, как и предполагалось, пришлось ждать долго. Дождь, регулярно заливавший Москву в это лето, решил, что его что-то слишком давно уже не было, и заморосил – пока еще осторожно, но явно обещая продолжиться и даже разгуляться. Сидеть в машине с запотевающими стеклами не очень хотелось, и Егор завертел головой в поисках более уютного пристанища. Ему повезло: метрах в двадцати дальше по улице наблюдалось какое-то небольшое кафе с загадочным названием «Квоки». Чем питаются квоки, Егор не знал, но надеялся, что

кофе они пьют и с ним поделятся. Он демонстративно записал номер «Волги» и предложил девушке, до сих пор резвившейся по адресу бестолкового таксиста, составить ему компанию. Девушка с сожалением рассталась с несчастным, уже не знавшим, куда деться от ее комментариев, и двинулась вслед за Егором, напоследок царственно обронив:

– Придете за нами, когда они приедут.

Так ему, злорадно восхитился про себя Егор и торжественно распахнул перед девушкой дверь.

Они просидели в кафе часа два, не слишком горя о том, что гаишники не спешат. Как ни странно, Егор только спустя час вспомнил, что он беседует с весьма привлекательной молодой особой, – так легко и непринужден оказался сам разговор. Девушка тоже либо не особо любила кокетничать, либо почему-то решила не делать этого именно сейчас: во всяком случае, как-то так случилось, что они в основном травили друг другу всякие байки из своей профессиональной жизни.

Звали девушку Марией – или, как она сказала, «просто Машкой – как козу». В этом не было никакого намека на панибратство или упрощенность взгляда на отношения. Просто Машка, и все тут. Занималась она страшными вещами: тестировала компьютерные программы для мировых фондовых бирж. Это она выпалила, не переводя дух, как заученную фразу, и сама засмеялась:

– Испугался? Обычно все пугаются, особенно мужчины. Ты не бойся, это не значит, что я такая умная. Просто мне показывают, и я делаю.

Позже, конечно, выяснилось, что это-то как раз и было кокетством: работала она в своей компании уже довольно давно, еще с университета, и занимала не самую скромную позицию. Работа ей нравилась, зарабатывала она неплохо, жила отдельно от родителей – достаточно состоятельных, чтобы обеспечить дочку собственной небольшой квартиркой, – но автомобиль себе купила сама, о чем сообщила с детской гордостью.

Под конец разговора Егору все больше и больше хотелось попросить у Машки номер телефона. Он ни секунды не сомневался, что она его даст – просто потому, что к дешевому кривлянию не приспособлена, – но, как ни странно, ему было как-то неудобно: пришлось бы ломать такой легкий, веселый и приятный тон разговора. Помог протокол о ДТП, в котором требовалось указать телефоны всех участников. Тут-то Егор с превеликим облегчением и списал Машкин телефон, пообещав позвонить ей, чтобы узнать, как обстоят дела со страховой компанией и последующим ремонтом.

Позвонил он ей, разумеется, уже на следующий день. Выяснилось, что ее машина завязла на сервисе надолго: пострадали не только оба бампера, но и что-то там еще, так что Машке придется ездить на метро как минимум пару недель. Эту новость Егор воспринял с неприличным энтузиазмом и немедленно предложил ей эксплуатировать в хвост и в гриву его практически неуязвимый «Ренджровер» – разумеется, в пределах возможностей его хозяина (возможности он себе, конечно же, постарался организовать).

С тех пор Машке удалось его не слишком разочаровать – или, точнее говоря, совсем не разочаровать. Ее нимало не интересовало его отношение к браку, детям, устойчивости их отношений и всему прочему, чего он в разговорах с женщинами не выносил. Не выносил вовсе не потому, что был убежденным холостяком: его просто категорически не устраивала ситуация предопределенного развития отношений. Достаточно в его жизни было фатализма на работе, без которого, наверное, не способен оставаться в профессии ни один хирург. Именно поэтому он совершенно не стремился знакомить Машку с друзьями или тем паче с родителями – и вообще организовывать какую-то постоянную совместную жизнь. Пребывание в одиночестве он очень любил и полагал, что легче сразу установить нужную дистанцию, чем ее увеличивать потом, когда наешься постоянного проживания в одной квартире и объединения двух жизней в одну и пожелаешь вернуться к необходимой дозе уединения.

Правда, за эти полгода Егор еще ни разу не пропадал так надолго без объяснения причин. Собственно говоря, и желания-то пропадать так надолго у него не было. Поэтому сейчас уже явно пора было Машке позвонить и возобновить общение. И как тогда прикажете оставаться завтра у матери, чтобы продолжить обследование?

Ладно, решено: завтра он звонит Машке и привозит ее к себе домой, но уж во вторник вечером он снова ночует у матери. Ведь должен же где-то быть этот проклятый второй том?!

Утром, едва придя на работу, Егор понял, почему все эти дни не звонила сама Машка: оказывается, она еще в день смерти отца зачем-то пыталась Егору дозвониться, а его телефон был выключен. Она подумала, что он на операции, и решила выяснить, когда он освободится, – вот сестры ей все и сообщили. И Машка (вот же трепетная душа!) сама звонить не стала, чтобы ему не пришлось с ней разговаривать, если он этого не хочет.

Он прошел в ординаторскую, переоделся – через полтора часа предстояла операция, – и прислушался. В коридоре было тихо. Это значит, что завотделением, как водится, до работы еще не добрался, и можно пока расслабиться.

Егор заварил себе кофе в френч-прессе и заглянул в холодильник. Медсестры его любили, его слабость к кофе со сливками знали и обычно заботились о том, чтобы в холодильнике были именно такие сливки, как он любит: густые и жирные, почти в желтизну. Когда-то давно, будучи в Бремене на какой-то конференции, он на завтраке в отеле пил кофе с такими сливками – ароматными, нежно-кремового цвета, которые не текут, а ниспадают из сливочника в чашку... Естественно, точно таких же он в Москве не нашел (коровы в России, что ли, как-то по-другому доятся?) и смирился с тем, что сойдут и наши российские: лишь бы густые и по возможности без лишней химической гадости. С тех пор, как сестры твердо усвоили, какие именно сливки он предпочитает лить в кофе, необходимый продукт в холодильнике не переводился.

Он с удовольствием добавил сливки – практически пополам с кофе – и уселся у окна. За окном снова мело, и он отметил, что погода, не в пример предыдущим годам, вполне новогодняя. Достал телефон и уже собрался было позвонить Машке, но тут его взгляд упал на книжную полку, которая изначально, видимо, была размещена в ординаторской для хранения всякой специальной литературы. Специальной литературы на ней, тем не менее, отродясь не водилось, а водилось там все, что угодно: их с Андрюшкой шахматы, какие-то старые журналы, всякие книжки, которые забывали в палатах больные, а персонал немедленно подхватывал и по очереди читал – в перерывах и на ночных дежурствах. Отдельной аккуратной стопочкой в уголке лежали несколько детективов, которыми баловался Макс Болотный – коллега, работавший в отделении чуть дольше самого Егора и не слишком его жаловавший. Он, как на грех, присутствовал при знаменательном диалоге Егора с профессором Вилюшкиным, и был не слишком обрадован скрытой симпатией последнего к потенциальному конкуренту. Тем не менее, особых трений между ними никогда не происходило, хотя оба старались без крайней необходимости друг к другу не обращаться.

Однако в этот момент Егора меньше всего волновали его отношения с Максом: куда более интересными выглядели детективы. Конечно, никакого второго тома «Эксперимента 2X» между ними не было и в помине, но Макс вообще слыл большим поклонником и знатоком детектива – и нашего, и классического, и современного западного. Он ухитрялся даже проводить какие-то сравнительные анализы типичных сюжетов в зависимости от национального менталитета их авторов, знал особенности стилей не только самых известных, но и ведомых ему одному особо рафинированных писателей-детективщиков. Вдруг ему что-то известно про эту книгу? Может, хоть подскажет, где искать второй том – на случай, если тот так и не обнаружится в отцовском кабинете?

Мысли Егора покинули зону под названием «Машка» и переключились на то, что на самом деле уже вторые сутки постоянно присутствовало – то в виде единственной темы, то в качестве неясного, но крайне болезненного фона для каких-то других, мелких и временных мыслей.

Он начал что-то черкать на не слишком чистом листе бумаги, неведь кем забытом на подоконнике, и в конце концов обнаружил, что в самом верху листа оказался большой и какой-то острый вопросительный знак. От него вниз тянулись две стрелочки; под одной было написано «Все правда», под другой – «Все придумано». От стрелочки «Все правда» шли еще две стрелки: «Отец – провокатор» и «Отец – испытуемый». Его запоздало передернуло от слова «провокатор». Ведь тот, в книге, был всего лишь «засланным казачком», который просто давал экспериментаторам возможность как-то контролировать процессы, происходящие с настоящими испытуемыми. Ничего ужасного он не совершал – откуда же взялось слово «провокатор»?

Как-то спокойно и отстраненно Егор понял, что где-то в глубине души он уже поверил в самое худшее: такой эксперимент действительно был, и отец действительно в нем участвовал – неважно, в какой роли. Как говорится, главное – не победа, а участие. Он согласился на это – ради чего? Из-за денег? Ведь известно, что во многих экспериментах испытуемым платят – и даже тогда, наверное, платили – очень и очень неплохие деньги. В принципе, сколько Егор помнил себя, их семья всегда жила достаточно обеспеченно – кроме, пожалуй, перестроечного времени, но тогда все остальные тоже жили не слишком шоколадно. Никаких других финансовых перепадов ни в ту, ни в другую сторону Егор вспомнить не мог. Может, отец пошел на это от страха? Спецслужбы – они и в Зимбабве спецслужбы, спорить с ними охотников немного.

От «Провокатора» вниз двинулась еще одна пара стрелок: «Эвтанатор» и «Не эвтанатор». От «Испытуемого» – «Убийца» и «Не убийца». Подумав, последнюю пару стрелок Егор обвел пунктиром и начал задумчиво заштриховывать. Этого он, скорее всего, не узнает никогда. Если, конечно, на этот вопрос не будет ответа во втором томе. Если он этот второй том найдет...

От стрелки «Все придумано» почему-то ничего не рисовалось. Егор вспомнил лекции по психиатрии на четвертом курсе: весьма аристократичного вида профессор с раздражающе тихим голосом (видимо, это был его личный способ добиться неослабного внимания аудитории) проникновенно объяснял им, что у шизофреника могут одновременно в сознании сосуществовать две абсолютно взаимоисключающие мысли, и его нисколько не беспокоит их противоречивость. Так вот у Егора сейчас в голове были как раз две взаимоисключающие мысли, но их взаимное противоречие его как раз очень даже беспокоило: он никак не мог представить себе, что его добрый, интеллигентный, тонкий отец принимал участие во всем этом кошмаре, – и в то же время почему-то был совершенно уверен, что так оно и было. Ему было невыносимо стыдно перед отцом за эту уверенность – но убедить себя в том, что это вымысел, ему никак не удавалось.

Ему никак не удавалось даже предположить, что отец вполне мог принимать участие в эксперименте просто как испытуемый, причем втемную. Ну в самом деле, не предупредили же каждого испытуемого: дескать, мы тут вас сейчас немножечко погипнотизируем, потом чуть-чуть пооблучаем, а потом будем смотреть, убьете ли вы человека, как мы вам прикажем, или все-таки устоите перед искушением. Они же наверняка не знали, на что подписываются, когда соглашались на участие в эксперименте. Так в чем отец мог быть виноват?!

Нет. Не вяжутся здесь концы с концами, никак не вяжутся. Если отец сам работал в этом институте, то каким образом он мог бы не знать о готовящемся эксперименте? Такой опыт ведь с кондачка, на сиюминутном вдохновении не поставишь, его небось несколько месяцев готовить нужно. И что, отец все это время был в отпуску или в несознанке? Так что знал он все. Конечно же, знал. А значит, он был либо просто экспериментатором (но тогда почему в книге

его вывели подсадной уткой?), либо все-таки этой самой подсадной уткой. И значит, так или иначе, но в организации этих убийств отец участвовал. И если уж рассматривать вариант, что все написанное в действительности имело место, то никаких особых оправданий у него нет и быть не может.

Но почему Егор так легко согласился с тем, что написанное не может быть вымыслом? Ведь он же любил отца. Хотя тут, конечно, все зависит от того, что это значит – «любил»... Но допустим, любил. Тогда почему он сразу не отбросил саму возможность того, что отец мог принимать участие в убийстве – причем сразу нескольких человек, да к тому же еще в чисто исследовательских целях? В психоанализ Егор не верил, хотя, конечно, масштаб влияния идей буревестника сексуальной революции на человечество впечатлял. Егор никак не мог понять одного: согласно теории Фрейда, и наука, и искусство, и вообще любое творчество, не говоря уж о политике и прочем, – это всего лишь способ куда-то деть неиспользованную сексуальную энергию. То есть у кого есть возможность спать со всеми, с кем он хочет, и столько, сколько он хочет, – тот и резвится себе в свое удовольствие; а у кого такой счастливой возможности не имеется – тому, бедолаге, приходится картины писать и научные открытия делать. А почему не наоборот? Тот, у кого есть возможность и способность творить, пишет картины или делает открытия, а тому, который в творческом смысле импотент, остается только спать с кем попало? Это же равновероятное предположение, правда? Так почему же знаменитый врач, который ныне стал туристическим брендом Австрии, не рассмотрел обе вероятности? С человечеством-то все понятно, поскольку Фрейд в свое время сработал как воистину гениальный промоутер, использовав сразу две беспроегрывные темы: секс и мистику, то бишь бессознательное. Но сам Фрейд – он-то почему сплоховал? Вроде бы как ученым себя считал...

Так что Егор отнюдь не был готов объяснять свое предательство отца каким-нибудь Эдиповым комплексом или прочей высосанной из пальца мурой. Впрочем, предательство – тоже темная штука. Если не говорить о нем на языке уголовного кодекса, то обычно люди называют предательством ситуации, когда другой человек ведет себя совсем не так, как они ждут. А поскольку он вести себя именно так вроде бы как вовсе и не должен, то... Но почему-то никакого другого слова сейчас в голову не приходило.

Решительный топот в коридоре практически слился с грохотом распахиваемой двери: Андрей всегда умудрялся входить так, как будто бы он не пользовался ручкой, как все нормальные люди, а выносил дверь собственным телом на полном скаку.

Увидев Егора, Андрей несколько сдержал свое жизнелюбие и притормозил на пути к вожаделенному дивану в углу ординаторской.

– Ты как, Ёга?

«Ёга» было детским прозвищем Егора, которое Илья бессовестно запродавал всем позднее приобретенным друзьям. В первых классах школы Егор отчаянно дрался со всеми, кто рисковал его так называть: почему-то ему слышался в «Ёге» оскорбительный намек на бабу Ягу мужского пола. А в седьмом классе Илья притащил в школу странную книжку «Путь йогина», написанную кем-то из индийских духовных учителей, и они все на какое-то время увлеклись экзотической философией. С этого момента «Ёга» стало звучать почти как «Йога», Егор счел это высоким знаком отличия и драться перестал. Теперь Ёгой его звала практически вся компания, и он уже практически перестал отмечать, как именно к нему обратились.

– Разнообразно, – коротко ответил Егор, ни в коей мере не стремясь вступать в обсуждение своих чувств. Слишком уж они были противоречивы и непонятны. – Ты с ночи здесь?

– Ага, – Андрей с блаженным протяжным вздохом растянулся на диване. – Представляешь, повезло: только один раз за ночь дернули. Дедушка в проктологии попытался было дать остановку сердца, но мы ему возразили. Всего-то часок и возились. Остальное время спал, аки ангел.

– Так чего ж ты сейчас на диван плюхнулся?

– А то ты меня не знаешь! – возмутился Андрей. – Человек не должен ни сидеть, ни тем более стоять, если можно лечь. Это принцип. А принципы нарушать нельзя, сам понимаешь. Кстати, о принципах. Ты в курсе, что ваш Семеныч собрался уходить?

– Не в курсе. И куда он?

– Да я точно не знаю. Так, слышал что-то... Его в какую-то исследовательскую группу берут. Вроде бы как к полярникам или что-то в этом роде.

Конечно, тихий и милый Игорь Семенович, заведующий отделением абдоминальной хирургии, где уже десятый год трудился Егор Силаков, не мог иметь никакого отношения к отцененавистническим переживаниям этого самого Егора, но все-таки какой-то червячок при словах об «исследовательской работе» внутри зашевелился.

– А зачем полярникам хирург?

– Ну, может, не к полярникам, а куда-то в медицину катастроф. В общем, не морочь мне голову, я точно ничего не знаю. Но ведь не это главное, правда?

– А что главное?

Андрей так удивился, что даже сел. Потом опомнился и снова залег, повернув голову в сторону окна. Было очень забавно смотреть, как он пытается обращаться к Егору, не видя его глаз и потому изо всех сил морща лоб:

– Але, друг! Тебе вообще-то известно, что кандидатов на его место – раз-два, и обчелся? Ты да этот ваш... детективщик, одним словом. Макс, что ли? Так ты с очевидностью предпочтительнее.

– Для кого предпочтительнее? – усмехнулся Егор.

– Да для всех! Тебя сколько лет Вилюшкин в верхах и низах рекламировал, пока не помер?

– Вот я с его рекламой у всех в зубах и навяз. Кто меня заведующим назначит? Тот же Макс стеной встанет! Он ведь все, что можно сделает, со всеми поужинает, всем машинки помоеет и все такое... Что он, даром свои детективы с лупой изучает?

В этот момент дверь открылась снова, только на сей раз куда более деликатно, и вошел легкий на помине Макс.

– Кому тут мои детективы покоя не дают?

Егор быстро сориентировался и решил убить сразу двух зайцев:

– Мне, светило ты наше литературное. Меня тут один детектив интересует, но он совсем старый, ты можешь и не знать.

Рассчитано было точно, и Макс завелся сразу же; во всяком случае, даже если он и слышал из коридора пару последних фраз, то предположение о том, что он может чего не знать в детективном мире, потрясло его куда больше:

– Не надейся. Даже если навскидку и не вспомню, но пороюсь и найду, если надо.

– Да где ты пороешься-то? Он аж в 1993 году был издан.

– И что?! Можно подумать, тогда люди не жили.

– Его, наверное, и в интернете нет. Кто у нас тогда про интернет знал?

– Ладно, не твоя забота. Что за книга?

– Никита Соснин, «Эксперимент 2X». Куда-то второй том задевался, а где искать – не знаю.

– Ладно, поищу. Придумал тоже: я не найду!

Макс поскитался по ординаторской, бросая завистливые взгляды на безнадежно оккупированный Андреем диван, и недовольно буркнул:

– Что, в реанимации диваны неудобные?

– Еще какие, – безмятежно ответил Андрей, поворачиваясь на бок и нахально ухмыляясь.

Макс поднял брови в знак презрения к дурному воспитанию анестезиологов и неспешно направился в коридор.

– Слушай, вот что с ним не так? Вроде нормальный мужик, опять же с какой-то своей интересной заморочкой... Почему его все терпеть не могут?

Егор пожал плечами и снова уставился в окно, но Андрей не унимался:

– А что это за книга, с которой ты к нему пристал? Или просто замаскировался?

– Да так, – неопределенно сказал Егор. – У отца первый том нашел, а второго нет.

– Да ты что?! У Николая Сергеевича?! Детектив? Да он же отродясь их в руки не брал! Даже я – и то раз пять слышал все, что он имел сказать по поводу современной литературы вообще и детективов в частности. Откуда у него?..

– Вот я и пытаюсь понять, – Егор надеялся, что Андрей, знавший его очень неплохо, распознает в его голосе интонацию «Давай на этом остановимся». Андрей бросил на Егора быстрый внимательный взгляд и сменил тему:

– Так как насчет места заведующего? Или ты против?

– Да я вообще-то не против. Только специально для этого ничего делать не буду. Назначат – хорошо, не назначат – геморроя меньше.

В коридоре зашумели и забегали: видимо, пришел заведующий, и настала пора всем вспомнить о своих профессиональных обязанностях. Пока будет обход, Андрей загрузит больного: они любили работать вместе, и сегодня им предстояла резекция желудка у сорокалетнего здорового мужика с мускулатурой Тарзана – операция не самая простая и не самая быстрая. Не повезло мужику: в сорок лет – неоперабельная язва. Потом всю оставшуюся жизнь есть каждые два часа – причем редкостную гадость. Егор сам не переносил паровую пищу и страстно сочувствовал тем, для кого такая еда была единственно пригодной для выживания.

День пронесся, как трамвай по обледеневшим рельсам – без пауз, особых неожиданностей и возможности задуматься. Оказавшись снова в ординаторской только после трех часов дня, Егор подсадовал, что нельзя работать часов по двадцать в сутки: может, все как-нибудь само бы и рассосалось. Да уж, заотделением можно понять: медицина катастроф – это вещь. Особо не раздумываешься, поскольку не хватит ни сил, ни времени.

А у них в абдоминальном отделении ничего рассасываться не собиралось: в кармане зеленой хирургической робы Егора осторожно похрустывал листок с омерзительной схемой. Егор какое-то время покачался на носках у окна, потом глянул в список телефонов института, висевший на одной кнопке на дверце шкафа, нашел там телефон знакомого рентгенолога, еще немного помедлил и набрал номер:

– Костя? Привет. Егор Силаков из хирургии. Ты занят? Можно к тебе на пару минут заскочить? Да так, мелочь. Вопрос один имеется. Отлично, бегу.

Он спустился на два этажа и нашел рентгенолога Костю Васильева сидящим в своем полутемном кабинете и яростно строчащим заключения. На негатоскопе светился очередной снимок, на который Костя даже не пытался поглядывать. Да, собственно говоря, смотреть было и незачем: с одного взгляда ясно: оригинал – не жилец. Запущенная эмфизема. Несколько месяцев, и то не факт.

– Сейчас, погоди секундочку, – пробормотал Костя, дописывая последнюю строчку. Потом размашисто расписался, отпихнул от себя смертельный диагноз и крутнулся на табуретке в сторону Егора.

– Давай, говори, чего пришел. Ты обещал не больше пары минут, помнишь? У меня еще вон... Сам видишь. А я домой хочу.

– Да у меня тут такое дело... странное. Ты вон у нас за свинцовым экраном работаешь, должен про всякие излучения знать... Так вот мне интересно: есть такие излучения, которые могут каким-то запланированным образом воздействовать на человеческий мозг?

– У-у, и ты туда же, Брут...

– Куда именно? – не понял Егор.

– Так с этим уж сколько лет все носятся! Только это, скорее всего, туфта полная. Может, конечно, и не туфта, только в этом случае никто все равно никогда ничего не узнает, пока чьи-нибудь спецслужбы его не используют. Впрочем, как раз тогда точно никто ничего не узнает.

– Да погоди ты со спецслужбами... – поморщился, как от зубной боли, Егор. – Я не про то. Меня с чисто медицинского боку это интересует.

– Иди ты?! И с какого же это медицинского боку излучения, воздействующие на мозг, используются в абдоминальной эндохирургии? – любопытствовал Костя, заправляя в негатоскоп новый снимок.

– Ну... как замена наркозу, скажем...

– И чем тебе наркоз не угодил? Если побочными эффектами, то это еще большой вопрос, насколько лучше побочные эффекты у таких излучений. А если ценой – то это вообще смешно. Если такое в принципе делается, то аппаратура, боюсь, стоит столько, что наркоз – это просто семечки. Так что не хочу тебя расстраивать, но я в любом случае не по этой части. Если тебе так уж приспичило, лучше в интернете поищи. Правда, как ты там умудришься отличить бред от чего-то толкового... Все, привет семье, я отключился, – и Костя уставился на новый снимок, который явно был куда оптимистичнее предыдущего.

– Спасибо, – уныло сказал Егор Костиной спине и пошел к себе в отделение, ругая себя при этом на чем свет стоит. Видно, совсем мозги покорежило, раз решил таким образом информацию получать. Конечно, стоило начинать с интернета.

По пути он вспомнил, что до звонка Машке дело так и не дошло, устыдился и вышел на лестницу. В отделении он свои отношения с дамами особо не афишировал, полагая, что для сестричек лучше оставаться в роли поп-звезды – привлекательного, неженатого, но недоступного: дольше сливки будут в холодильнике обнаруживаться. Да и ко всяким прочим приятным мелочам, на которые горазды медсестры по отношению к молодым и симпатичным врачам, тоже привыкаешь быстро, а отвыкать совсем не хочется.

В трубке зажурчал Машкин голос, просто-таки дрожавший от сочувствия:

– Егоруша, родной, как ты там? Я все знаю, мне в отделении сказали в тот же день. Прости, я побоялась тебя дергать лишний раз. Думала, ты сам позвонишь, как захочешь.

Хорошо, не сказала «Держись». Егору казалось, что он это слово за последние несколько дней возненавидел на всю оставшуюся жизнь. Практически каждый пришедший на похороны счел своим долгом сказать ему «Держись». За что держись, почему держись?! Он что – рыдал в голос, бился в истерике над гробом? Лучше бы промолчали, ей-богу. А Машка – умница, за что и была полюблена. Или не полюблена? В общем, неважно – умница, и все.

– Я в норме, – сказал Егор, надеясь, что расшифровывать не придется. – Сегодня приедешь?

– Конечно, приеду, – с готовностью согласилась Машка. – Когда?

– Я освобожусь примерно часа через два. Могу за тобой заехать. Ты на работе?

– А где мне еще быть? Только, может, лучше я сама доберусь? А то мне завтра можно будет попозже на работу приехать, а ты ведь задержаться не сможешь...

– Не смогу. Зато тебе парковаться не придется.

– Ну как хочешь. Позвони, когда будешь подъезжать, ладно?

Просто золото, а не девушка. Терпелива, покладиста, умна... Может, это у нее просто конфетно-букетный период затянулся, а потом все и начнется? А по контрасту ох как обидно будет... Ну ведь не может так быть, чтобы на улице, случайно – и такой счастливый билетик вытащить? Нет, романтика – романтикой, а профессиональный цинизм – отличная штука. От многих огорчений оберегает. Так что лучше не слишком-то расслабляться. Во всяком случае, пока.

А «пока» – это сколько?

Сколько, сколько... Вон отца тридцать два года знал, а все равно мало оказалось. И Егора накрыло ставшее уже привычным за пару дней ощущение тундры внутри: все замерло, заледенело, темно, пусто, ветер воет, а ничто не движется... Он снова вспомнил профессора-психиатра с тихим голосом: тот, помнится, говорил, что есть такая странная реакция на стресс – шизоидная, кажется, – когда человек словно бы замирает внутри и сам себе не дает ничего чувствовать. Что-то делает, что-то думает, о чем-то разговаривает – и при этом абсолютно бесстрастен, хотя только что, может, всех родных похоронил. Это его психика так защищается от непереносимых эмоций.

Егор прислушался к себе: холодно, но спокойно. Точнее, никак. Схема, этот дикий «Эксперимент 2X», отец-убийца – все мысли на месте, никуда не делись, но боли нет. И ничего другого – тоже. Просто все внутри ноет, как будто сплошь поросло больными зубами. И где найти подходящего стоматолога, решительно непонятно.

Внезапно между больных зубов всплыло давнее воспоминание: они с отцом смотрят какую-то передачу про бомбежку Нагасаки. Егору лет семнадцать, он уже решил непременно идти в медицинский, и тогда еще вполне понятные для него так называемые общечеловеческие ценности (помнится, позже он совершенно перестал понимать, что имеется в виду под этим словосочетанием) бурлят в его голове и заставляют страстно возмущаться невероятным цинизмом американцев, сумевших одним нажатием какой-то кнопки уничтожить сотни тысяч человек. Отец терпеливо выслушивает неистовый монолог Егора и спокойно замечает:

– Может, если бы не эта бомбежка, мы бы до сих пор не могли пользоваться атомной энергией.

Егор взвизгивает:

– Да разве стоит эта энергия такого количества жизней?!

Отец иронически усмехается:

– А ты представь себе, что атомных электростанций нет и сейчас, энергетический кризис уже наступил, и те же самые сотни тысяч гибнут от холода.

– Можно подумать, ты точно знаешь, что было бы именно так!

– Нет. Не знаю. Но и ты не знаешь, что так точно бы не было. И никто не знает.

– То есть ты считаешь, что американцы были правы?!

Отец пожевывает губу, поднимает брови в раздумье, потом все так же спокойно говорит:

– Ты знаешь, я вообще не очень хорошо понимаю, что такое хорошо, плохо, правильно, неправильно, справедливо, несправедливо... И не дай тебе Бог когда-нибудь начать понимать это слишком хорошо.

Егор прекрасно помнил – хотя и не вспоминал этот разговор, наверное, с того самого дня, – как потрясли его отцовские слова. Он тогда ни на секунду не готов был допустить мысль о том, что отец может быть прав. Кажется, он тогда даже гордо игнорировал отца целую неделю – столь чудовищным кощунством показались ему эти холодные логические построения.

Хотя нет, пожалуй, не сами построения, а мысль о том, что у отца нет ничего святого – вроде бы именно так Егор сформулировал тогда для себя его признания насчет «хорошо» и «плохо». Ему тогда казалось, что мир перевернулся: отец, которого он без всяких оговорок готов был считать образцом доброты и порядочности, вдруг предстал таким безнравственным монстром.

...Егор внимательно прислушался к себе: а готов ли он сейчас признать отцовскую правоту в том разговоре?

Выходило, что все равно не готов. Конечно, юношеский максимализм – продукт не слишком большого срока годности, и дожить до сегодняшнего дня ему было не суждено... Но все же отказаться от идеи о том, что «хорошо» и «плохо», «справедливо» и «несправедливо» все-таки

существуют, он до сих пор был не в состоянии. Ладно, пусть он не способен четко определить ни одно из этих понятий – так, как биссектрису или, скажем, понятие нормальной жизнедеятельности организма, хотя это, ясное дело, будет посложнее, – но почему-то он не сомневался в том, что такие определения существуют. Где-то, у кого-то, кто будет поумнее, чем он, Егор, – но наверняка существуют. Как иначе себя уважать-то?!

Так что ж, получается, что тогда все его представления об отце действительно рухнули? Или, точнее сказать, не рухнули, а изменились до неузнаваемости? Иначе как все-таки объяснить... Так, стоп. Давай не будем впадать в истерику. Даже Машка себе этого не позволяет, хотя имеет право, потому что женщина.

В кармане заворочался и приглушенно зажужжал телефон. На дисплее высветилось фамильярное «Виталик». Не то чтобы у Егора таким образом проявлялось снисходительное отношение к своему почти что дяде – просто так было короче, да и общий облик дяди Виталика – округлый, уютный, трогательный – располагал к некоторой несерьезности.

– Да, дядя Виталь, – отозвался Егор. – Как вы?

– Пойдет. Ты на работе?

– Ну а как же? Народ жаждет ампутаций и резекций. Деться некуда, – привычно отшутился Егор.

– Не против, если к вам я завтра за отцовскими материалами заскочу? А то тут пара проектов почти что встали. Или еще рано? – хрипловатый тенорок Черепанова был слегка смущенным. Похоже, его напрягало смешение жанров: вроде бы друг семьи в имеющихся обстоятельствах обязан проявить предельную тактичность, а тут приходится с какой-то деловой ерундой приставать...

– Да все в порядке, мы с мамой уже справились. Вы во сколько завтра заедете? А то я тоже постарался бы... Одно-то меня мать к себе не пускает. Говорит, чтобы я ее не пас, она, дескать, и так в норме.

– Часов в восемь устроит? – предложил Черепанов. – Все уже отрежешь, что нужно?

– В самый раз. Особенно если по дорогам уже ездить можно будет. Но вы же не на пять минут заедете? Так что уж дождитесь. Когда-нибудь до дома-то я ведь все равно доберусь. Все, дядя Виталь, сворачиваемся, а то за мной пришли, – заторопился Егор, потому что в дверь заглянула огромная басистая Анна Олеговна – самая старшая медсестра в отделении, пережившая троих заведующих и немислимое число ординаторов.

– Егор Николаевич, ваша завтрашняя холецистэктомия требует эвтаназии.

– Что за идиотские шуточки?! – рявкнул Егор. – Что там с ней? Толком нельзя сказать?

– Можно, но, видимо, не сейчас, – с этими словами Анна Олеговна закрыла за собой дверь.

Егор опомнился и выскочил следом за ней в коридор.

– Ладно, Анна Олеговна, простите. Я тут по телефону разговаривал... Просто вы под горячую руку попались.

Та остановилась.

– Знаете ли, Егор Николаевич, у меня не те габариты, чтобы под горячую руку ненароком попадаться. Меня не заметить трудно.

Он ухватил ее за круглый уютный локоть и затащил обратно в ординаторскую: негоже было долго и самозабвенно извиняться перед патриаршей особой на глазах у всего отделения.

– Все, все, Аннушка Олеговна, больше не буду. Так что там с холецистэктомией?

Медсестра еще немного поизображала обиду – на самом деле она вообще никогда и ни на кого не обижалась, – и снизошла до объяснений:

– Она у нас изволила по интернету пошастать, почитала там что-то про осложнения восстановительного периода и решила, что лучше она как можно скорее умрет от эмпиемы желч-

ного пузыря. И слово-то, посмотрите на нее, правильно выговорила! Меня она, разумеется, всерьез не воспринимает, так что придется вам с ней поговорить.

Расставшись с полностью убогатворенной хозяйкой отделения, Егор сокрушенно задумался: а с какого, собственно говоря, перепугу он спустил собак на милейшую Анну Олеговну? То есть в общем-то понятно, конечно, с какого... Но поскольку ситуация явно не собирается сама собой разрешиться в самое ближайшее время, то не придется ли ему подсаживаться на какие-нибудь препараты, чтобы не порушить напрочь мир и покой в отделении? Или нужно просто перестать играть в трепетную семнадцатилетнюю девицу, чьи розовые иллюзии по поводу прекрасных принцев рухнули от соприкосновения с печальной действительностью?

...Переговоры с тревожной пользовательницей интернета заняли почти час и нисколько не способствовали восстановлению душевного равновесия. Когда Егор вернулся в ординаторскую, за окном уже стемнело, и сиреневые фонари за занавесом продолжавшегося снегопада выглядели как в какой-нибудь меланхоличной мелодраме. Оставалось только заполнить истории болезни, и можно было с чистой совестью отправляться домой.

Егор медленно полз в душераздирающей пробке, вызванной совершенно неожиданным – конечно же! – для конца декабря снегопадом. До Машкиного офиса было почти как до канадской границы, до собственного дома – немногим ближе, но Егор все-таки позвонил Машке и велел ей примерно через полчаса выдвигаться на собственной машине в сторону его дома. Он рассчитывал добраться домой хоть немного раньше нее, потому что, несмотря на длительность и приятность совместного времяпрепровождения, ключей от своей квартиры он ей все-таки не давал. То есть пока не давал, а там – посмотрим...

Конечно, любая другая женщина на ее месте давно бы уже взбрыкнула – особенно учитывая то, сколько времени Машке иногда приходилось торчать у его подъезда, дожидаясь, пока он вырвется из отделения или преодолеет очередные пробки. Но Машка на то и была Машкой, что терпеливо сносила все это, занимаясь на своем крохотном ноутбуке чем-то недоступным Егорову пониманию. Его вообще потрясло, что столь эфирное существо с глазами нахальной газели что-то понимает в таких сумасшедших вещах, как программирование и фондовые операции. Машкины рассказы на рабочие темы нужно было запоминать и пересказывать, как анекдоты: «В одном скрипте может быть несколько тест-кейсов, а в каждом тест-кейсе – по несколько ордеров. А некоторые ордера – фьючерсные, и, чтобы их затестить, нужно валить всю систему. А на одном энваэронменте одновременно несколько человек работает, и со всеми нужно договариваться, прежде чем систему валить... Представляешь?»

Егор не представлял, но изумлялся и восхищался. Текст звучал, как джазовая композиция, а кто же пытается вдумываться в слова джазовой композиции? Звучит красиво – и ладно.

Телефон возопил «Show must go on», и Егор нажал кнопку на руле. Салон автомобиля заполнил бархатный бас Раду Мунтяна, с которым Егор с Ильей вместе учились в школе. Родители Раду в свое время были известными фигурами в музыкальном мире Молдавии, но уехали оттуда на волне массовых перемещений в период полураспада Советского Союза – несмотря на то, что принадлежали к коренной национальности и молдавский язык знали на порядок лучше большинства ратовавших за независимость республики. Однажды Егор задал отцу Раду вопрос, почему они тогда все бросили и нажили себе кучу организационных и финансовых проблем, пытаясь обосноваться на новом месте. Тот грустно улыбнулся и сказал: «Знаешь, Ёга, когда чего-то, пусть даже чего-то самого распрекрасного, пытается добиться толпа, в результате всегда получается хуже, чем было».

Раду пришел к ним в середине третьего класса, и все девочки класса пропали. Он уже тогда не говорил, а гудел роскошным мальчишеским альтом, – который впоследствии стал столь же роскошным басом, – обладал длинной густой шевелюрой и огромными грустными глазами. Имидж беженца только умножал эти и прочие неоспоримые достоинства, среди кото-

рых немаловажное место занимало умение нещадно драться все с тем же меланхолично-раздумчивым выражением лица.

Всю жизнь Раду отчаянно тянулся за своим отцом, который был одновременно и талантливый интеллигент, и настоящий мужик. Сын категорически отказывался заниматься всем тем, в чем был силен и талантлив отец – кроме, ясное дело, кулачных боев. Он был убежден, что сам факт наличия у него какого-нибудь таланта сомнений не вызывает; осталось только определить, что это за талант – но уж точно, что не музыка. В восьмом классе Раду наконец-то выяснил, в какой именно сфере он собирается осчастливить человечество: это была режиссура.

В результате к девятому классу Егор, Илья и еще пара ребят из окружения Раду пересмотрели все «высокое» кино и могли со знанием дела обсуждать специфику операторской работы в фильмах Ларса фон Триера, символику Бунюэля и преимущества черно-белого кино перед цветным. Правда, для Егора и прочих возможность важно поговорить на эти темы была преимущественно зна́ком их близости к самой экзотической личности класса, а сам Раду действительно увлекся всем этим – в несколько даже пугающей степени.

Окончив школу, он поступил-таки на Высшие режиссерские курсы и благополучно их закончил. Дальнейшее восхождение к маниюшим его вершинам несколько замедлилось. Выяснилось, что режиссеров в стране пруд пруди, и для них даже работа есть – только в большинстве своем отнюдь не такая, какая грезилась Раду в школьных мечтах. Собственно говоря, он и к этому был готов, и потому хватался за все, что ему предлагали, не брезгуя не только телевизионным «мылом», но и всякими театральными студиями, преподаванием, озвучкой «мыла» западного и прочими мелочами. При общей величественности его взрослого облика – волосы до плеч, борода и по-прежнему задумчиво-грустный взгляд огромных глазниц – можно было не сомневаться, что, тем или иным путем, но до требуемых высот он обязательно доберется.

На похоронах Раду не был по вполне уважительной причине: весь последний месяц он снимал на Байкале что-то научно-популярное.

– Ёга, родной, прости, я только сегодня вернулся с Байкала, – зарокотал он виновато. – Что с отцом произошло? Как Марта Оттовна? Как сам? Мне ужасно неловко, что меня не было. У нас там даже телефон не работал – такая глушь... Может, что-то нужно?

– Уймись, Рад, какая теперь помощь... Мы все сами сделали, не парься. Я ж не в обиде, сам понимаешь.

– Да понимаю я все... Но правда неловко. К Марте Оттовне я завтра заеду, но ты—то сам как? У меня в голове не укладывается: Николай Сергеевич всегда был такой спортивный, легкий...

Да. У Егора тоже в голове не укладывалось: если отец в самом эксперименте с этим проклятым излучением участия не принимал, то, значит, его странную (на фоне полного-то здоровья!) смерть на этот счет отнести нельзя. Или все-таки он был простым участником, и, следовательно, все возможно? Или его просто чувство вины съело? А если его ничего не съело, то – как такое возможно?

Егор, конечно, прекрасно знал, что такое как раз очень даже возможно. Просто сейчас это новое знание об отце, казалось, оставило свой отпечаток на всем, что его касалось. И, похоже, даже на том, что его не касалось.

– Ладно, ладно, я не пристаю, – смутился Раду, видимо, по-своему истолковав молчание Егора. – Я понимаю... Как подумаю, что мне своих тоже когда-то придется хоронить... Наверное, ничего хуже нет.

– Есть, – вдруг неожиданно сказал Егор. – Оказывается, есть.

Теперь замолчал Раду – и к лучшему: Егор, отвлекшийся во время разговора, вдруг обнаружил себя в жуткой автомобильной толчее на перекрестке с неработающим светофором, где машины с разных сторон яростно сигналили, прыгали в первые попавшиеся просветы и вообще всячески старались организовать себе неприятности.

– Ты про что? – осторожно поинтересовался Раду. – Что-то еще случилось?

Егор нашел справа от себя пока еще никем не занятую щель между двумя машинами и втиснулся туда. Сзади угрожающе взревел мохнатый от налипшего грязного снега джип.

Ну кто его тянул за язык? Возникло досадное ощущение, что он доверил Раду крохотный кусочек той стыдной и мучительной тайны, которую и сам бы предпочел не знать, и уж точно не собирался делиться ею с окружающими.

– Да нет, это я так. В принципе.

– Знаешь что, дорогой, ты себе петуха купи и морочь голову ему. У тебя отец пять дней как умер, а ты говоришь, что бывают, дескать, неприятности и покруче. И я должен поверить, что это тебе просто к слову пришлось?!

Можно было, конечно, просто прервать разговор – но тогда Раду вцепится, как клещ, и будет думать, думать, думать... Начнет еще с кем-то из ребят обсуждать – ну как же, они ведь все за него волнуются! А придумать какую-то убедительную отговорку сходу никак не получилось.

– Ладно, не бери в голову. Потом как-нибудь поговорим. Все, я уже не абонент, тут такой кошмар на перекрестке творится... Привет Соне.

На самом деле кошмар на перекрестке давно остался позади, и Егор как раз вырвался на полный оперативный простор: дорога впереди была почти свободна, и у него даже появился шанс добраться до дома раньше Машки. Пока можно было ехать, особо не напрягаясь, Егор решил позвонить матери. Мог бы, конечно, это сделать и пораньше, выругал он себя. Она там целый день одна, сидит, небось, у отца в кабинете или по комнатам скитается, как неприкаянная. Чем она теперь будет заниматься?

С тех пор, как Марта Оттовна вышла на пенсию, преподавать она не перестала, а просто уменьшила нагрузку вполовину и отдалась своему любимому Безупречному Домашнему Хозяйству с еще большим рвением, чем раньше. И нельзя сказать, что она целыми днями суе-тилась и что-то делала: это как раз нарушало бы ее представления о безупречности. Наверное, в прошлой жизни мать была балериной или цирковой артисткой, которые сызмальства приучены постоянно улыбаться так, как будто тридцать два фуэте или баланс на канате под куполом цирка – это просто приятное развлечение, никакого труда не составляет, что вы! В доме, с материнской точки зрения, все должно было происходить как бы само собой. Поэтому все белье каким-то загадочным образом внезапно оказывалось выстиранным, накрахмаленным (ну кто в наши дни крахмалит белье?!), и отглаженным практически до зеркального блеска. Процесс превращения грязной послеобеденной посуды в чистую и вытертую тоже, казалось, не требовал ни секунды, а отцу ничего не надо было даже просить, потому что мать всегда знала, чего он захочет в следующую минуту. И за всем этим маячил величавый образ Марты Оттовны – высокой, стройной, с балетной осанкой и царственной посадкой коротко стриженной головы.

И кто теперь будет пачкать белье с посудой, и чьи желания мать будет предугадывать? Нет, конечно, настоящая леди не позволит себе опуститься и в одиночестве: в доме все по-прежнему будет идеально, как будто в каждую следующую минуту она ждет в гости свою подругу – английскую королеву. Но от этого делалось только еще хуже...

При этом Егор отчетливо понимал, что не готов переехать к матери – да и она на это ни за что не согласится. Не потому, что не захочет, а потому, что это будет противоречить идее все той же Безупречности: Настоящая Мать ни за что не позволит себе мешать жизни своего взрослого ребенка.

Он вздохнул и набрал номер.

– Мамуль, привет. Как ты там?

– Здравствуй, Егорушка.

Слава Богу, на заднем плане слышался дребезг чашек: значит, мать не одна.

– У тебя тетя Зоя?

– Да, они с Наташей пришли ко мне часа три назад.

Мать говорила таким ровным голосом, что у Егора возникло желание завывать во весь голос: пусть бы лучше голос дрожал, или она бы просто плакала. Тогда он развернулся бы на следующем светофоре и рванул к ней. И тогда черт с ней, с Машкой, – но мать хотя бы вырвелась и хоть чуточку расслабилась.

– Может, они у тебя останутся ночевать?

– Нет, что ты, их дома ждут. Да ты не волнуйся, сынок, я в порядке, меня опекать не надо.

– Да слышу я, в каком ты порядке, – буркнул Егор. – Я завтра сам к тебе приеду.

– Не надо, милый. Приезжай в выходные, как всегда. Я твои любимые чебуреки приготовлю. А хочешь – с кем-нибудь приезжай.

Егор представил себе ситуацию знакомства матери с Машкой и содрогнулся: Машка боится слово лишнее недавней вдове сказать, мать демонстрирует высокий светский стиль настоящей леди... Ну уж нет!

– Ты что, сына видеть не хочешь? – грозно спросил Егор. – Порядочная мать радовалась бы возможности повидаться, а ты...

– Не выпендривайся. Хочешь – приезжай завтра. Только учти, что меня не надо пасти.

– Да, кстати... Завтра вечером заедет дядя Виталик. Я с ним сегодня разговаривал, сказал, что все готово. Ты не против?

– Конечно, не против. Я Виталика всегда рада видеть.

– Ну все, мамочка. Привет там твоим теткам. Спокойной ночи. И не пей никаких успокоительных, ладно?

Пусть лучше не поспит пару ночей – глядишь, и сорвется. Может, потом полегче будет. Но что-то придумать для нее все равно надо. Может, свозить ее по Европе? Взять отпуск весной, посадить мать в машину – и вперед: Амстердам, Брюссель, Вена – далее по карте. Куда захочет – туда и поехать. Ладно, это – позже.

Егор умудрился-таки войти в квартиру как раз в тот момент, когда Машка позвонила (как всегда, на въезде во двор), чтобы выяснить, подниматься ей или ждать его в машине. В это самое время Егор зажег свет в своей комнате, окна которой выходили во двор, и Машка сама сказала, что свет видит и сейчас поднимется – только найдет, где впахнуть среди ракушек и других автомобилей свою «Фиесту».

Егор, глядя из окна, убедился, что процесс парковки прошел благополучно: ездил Машка не по-женски лихо и агрессивно, зато парковалась, бледнея от страха и краснея от натуги. Заканчивалось это далеко не всегда без потерь, но Машка не обременялась необходимостью каждый раз ездить на сервис, чтобы ликвидировать последствия: она предпочитала возить с собой в бардачке флакончик со специальной, точно подобранной в тон краской, которой и замазывала, не мудрствуя лукаво, мелкие царапины и потертости. На сей раз все обошлось, и Егор отправился на кухню ставить чайник.

...Машка, вопреки своему обыкновению, не ворвалась в квартиру с шумом, а несмело вошла, видимо, не очень представляя, как себя с ним сейчас вести.

Егор стянул с нее пальто и строго предупредил:

– Так, дорогая, давай обойдемся без слов сочувствия. Я все понимаю, ты все понимаешь... Пошли чай пить. Ты есть хочешь?

– Жутко! – воскликнула несколько повеселевшая Машка и, уцепившись за его рубашку сзади, как она всегда делала, двинулась за ним на кухню.

Егор заглянул в холодильник и понял, что погорячился: кормить Машку было абсолютно нечем. Может, хоть в морозильнике что-то завалилось?

На их счастье, в морозильнике как раз завалились пельмени. Угощать ими даму было как-то неловко: Егор не мог припомнить, сколько месяцев назад они появились у него в холодиль-

нике. Он попытался уговорить Машку что-то заказать по интернету, но та решительно воспротивилась, заявив, что предпочитает быстренько закинуть что-нибудь в рот, чтобы можно было спокойно поговорить. Егор не был уверен, что тоже хочет разговаривать; впрочем, теперь он уже вообще не очень понимал, зачем затеял сегодняшнее свидание. Видеть Машку он, конечно, был рад, но сейчас явственно осознал, что ему вполне достаточно было бы посидеть с ней в каком-нибудь кафе, выпить кофе и поехать домой одному: мысль о том, что нужно побродить по интернету и почитать про излучения, не давала покоя.

Вот же дурацкая привычка: наметить себе какое-то дело, а потом его выполнить просто потому, что наметил, никак не соотносясь с вновь возникшими обстоятельствами! Утром ему взбрело в голову, что Машка могла обидеться, и он решил, что ей необходимо позвонить и позвать домой, чтобы загладить вину. Ведь узнал же еще утром, что она все знает и наверняка не обиделась бы, если бы он просто нарисовался бы на горизонте. И зачем было ее приглашать?

Нет, видимо, недаром все-таки он ключ Машке не дает и планов никаких не строит. И дело явно не в Машке: если бы он эти планы строить был готов, то придумать более подходящий для этого объект было бы трудно. Может, просто его не привлекала идея семьи в том виде, в каком она существовала в его жизни? Нет, жить в ней в качестве ребенка – и маленького, и уже выросшего – было очень даже комфортно, приятно и интересно. Но представить себя в такой семье в роли мужа... Егор даже поежился: в этой картинке ему померещилось что-то не слишком приличное и уж точно совсем не привлекательное.

Машка, как всегда, болтала о работе, периодически искоса поглядывая на него: не нарушает ли она его представления о поведении девушки, впервые общающейся со своим молодым человеком после похорон его отца?

Видимо, выражение лица Егора ее успокаивало, и она продолжала говорить – как всегда, очень темпераментно, все время поправляя свою кудрявую гриву. Насколько понимал Егор, у нее это никогда не имело кокетливого смысла: просто волосы вели себя в полном соответствии с характером своей хозяйки (то есть постоянно растрепывались и лезли всюду, куда не надо) и потому требовали ежеминутного внимания.

В конце концов Егору удалось-таки включиться в то, что Машка рассказывала ему последние десять минут:

– Мы договорились, что праздновать будем у Танюшки из токийского отдела. Она живет одна в родительском доме в Ватутинках, а ее родичи сейчас где-то в Нигерии. Решили ничего не готовить. Купим все готовое, что-то закажем и днем заберем. Ей нужно только елку привезти, а то у нее машина маленькая. Может, съездим, а? Ты как? Это близко! Мы можем в какой-нибудь день на твоём «Рендже» схватить елку и сбегать к Танюшке.

Егор с трудом вспомнил о давно вынашиваемых Машкой планах отпраздновать Новый год со своими оболтусами с работы. Присутствие Егора на этих сугубо профессиональных посиделках объяснялось, насколько он понимал, вовсе не Машкиным желанием предъявить коллегам своего молодого человека, чтобы несколько снизить градус посягательств на ее свободное время со стороны нескольких особо ретивых сослуживцев. Просто это празднование было запланировано у них на работе примерно тогда же, когда Машка познакомилась с Егором, и теперь ей не хотелось ни отказываться от развеселого, интеллектуально насыщенного программистского Нового года, ни встречать этот самый Новый год без Егора. Вот она и решила слить оба удовольствия в один флакон – если, конечно, Егор не будет против.

До недавнего времени Егор был не против – или, во всяком случае, не слишком против. Он-то предпочел бы, как всегда, отправиться в свою компанию – Илья, Андрей, Раду, еще парочка их знакомых, жены, девушки... Но идти туда вместе с Машкой ему все-таки не улыбалось. Кроме того, он подозревал, что даже если бы он ей это предложил, то ее выбор все равно оказался бы в пользу компьютерщиков. Посему он скрепя сердце согласился – но это ведь было до...

В нынешней же ситуации он предпочел бы провести Новый год с матерью – если, конечно, та согласится. А на фоне «Эксперимента 2X» у него и вовсе не было никакого желания ехать в какие-то Ватутинки, пить шампанское или сидеть в углу, тоскливо раздумывая о своем.

– Маш, – осторожно сказал он, – я, наверное, не поеду. Останусь дома с мамой. Ладно?

Машка осеклась, испугавшись, что перегнула палку со своим весельем и обширными новогодними планами. Она погладила его локоть и жалобно спросила:

– Ты обиделся?

– Нет, кудряшка, не обиделся. Ты езжай сама, ладно?

Она постаралась скрыть облегченный вздох, но на всякий случай замолчала.

Когда пельмени закончились, наступил черед следующей неловкой паузы. Машка начала как-то беспокойно и бесцельно перемещаться по кухне: то грязные вилки и тарелки по одной в раковину перенесет, то в окно посмотрит, то мимоходом пошерстит рукой короткий светлый ежик Егоровых волос...

Егор догадался, что она просто никак не может понять, как он планирует провести сегодняшнюю ночь: тихо поспать в обнимку, поговорить о похоронах и прочем или все-таки позволить себе эротические радости. Наконец она застыла, честно и вопросительно глядя на него.

– Иди в душ, малыш, – улыбнулся ей Егор, легонько проведя ладонью по ее очень тонкой и подвижной талии. Она расценила это как обычное приглашение в постель и радостно убежала в коридор. Теперь ее можно было ждать не раньше, чем через полчаса: видимо, она представляла собой довольно странный гибрид газели и дельфина.

Егор постоял у окна, оттягивая ту минуту, когда хоть что-то может проясниться. Потом снял с холодильника ноутбук (бедняга, разрядился за те дни, пока лежал здесь в одиночестве, брошенный хозяином) и уселся за стол.

Из ванной доносился шелест воды и негромкое Машкино пение. Все-таки что-то в ней не так, с некоторым даже удовольствием подумал Егор. Какая-то облегченность характера, что ли. Наверное, ему самому никогда и в голову бы не пришло в подобной ситуации петь, даже стоя под душем. Или она надеется, что он ее не слышит? Скорее, просто не задумывается о таких тонкостях. Хотя, возможно, в семейной жизни это и неплохо – если, конечно, она готова к собственным бедам относиться так же легко, как и к чужим...

Егор набрал в поисковике «излучения, влияющие на психику» и получил два миллиона ответов. Он хмыкнул и начал читать.

Наконец Машка вышла из душа, как всегда, пахнувшая чем-то неотразимым, чего у него на полках в ванной точно не было, в полотенце, весьма сомнительно прикрывавшем небольшую грудь и аккуратную тугую попку, и с волосами, украшенными множеством крохотных сияющих капель. Впрочем, познавательный процесс у Егора был в самом разгаре, и всего этого великолепия он просто не видел. Машка тихонько обняла его сзади и прижалась щекой к спине.

– Ложись, Машунь, я сейчас, – не оборачиваясь, сказал Егор и чмокнул ее тонкие пальчики.

Машка послушно умчалась в спальню.

...Минут через сорок в кухне снова прошуршали едва слышные Машкины шаги: она категорически не признавала тапочек и перемещалась исключительно босиком, независимо от состояния пола и времени года.

– Ау... – нерешительно позвала она и запустила пальцы Егору под рубашку. – Ты как тут?

Егор промычал что-то невразумительное, а на пальцы не отреагировал вовсе. Она несильно потянула его за волосы на груди, и он от неожиданности ойкнул, с трудом отводя взгляд от экрана. Машка заглянула в его не вполне сфокусированные глаза и посмотрела на экран. Егор быстро свернул окно и наконец-то обратил на Машку внимание. Та удивленно приподняла брови: раньше подобной скрытности за Егором не водилось, – и поинтересовалась:

– Ты в принципе сегодня спать собираешься?

– Конечно, собираюсь, – глядя на нее честными глазами, пообещал Егор. – Еще чуть-чуть, ладно?

Машка пробормотала себе под нос что-то неопределенное и удалилась.

Спустя полчаса Егор все еще читал и с трудом очнулся, когда услышал за спиной сдержанное:

– Я пошла, ты сиди, не отвлекайся.

Егор дернулся от неожиданности и обернулся. Машка, полностью одетая, начинала обуваться.

– Маш, ты что? Я уже закончил.

– Да ладно, я же вижу, тебе сейчас не до меня. Не стоило меня, конечно, в таком случае выдергивать, но... Хорошо, хоть я на своей машине приехала. Ничего, не переживай, я не обижаюсь. Я понимаю. Ну, наверное, понимаю...

Егор вышел в коридор, растерянно посмотрел на Машку, потом, спохватившись, помог ей надеть пальто.

– Ты извини, кудряшка, я правда не думал, что так получится... Но это для меня действительно важно. Не сердись.

– А что «это»? – Машка застегивала пуговицы (все-таки довольно сердито) и на Егора не смотрела.

– Ну... – замялся Егор, – потом как-нибудь.

– Ясно, – последняя пуговица едва не отлетела под напором Машкиных эмоций. – Пока. Звони, когда вынырнешь.

Дверь она, тем не менее, закрыла аккуратно: ее возмущение никогда не достигало тех степеней, когда оглушительное хлопанье дверью оказывается неизбежным.

Егор вернулся на кухню и снова – в который уже раз за последние дни – уперся лбом в холодное стекло. Он видел, как Машкина машина, урча так же рассерженно, как и ее хозяйка, отъехала, освободив место для кого-то из припозднившихся соседей. В подворотне замигал правый поворотник «Фиесты», и Егор вернулся к столу.

В общем-то, экскурсию по интернету вполне можно было заканчивать. Дальнейшее умножение информации вряд ли к чему-то приведет.

Итак, что получилось в результате? Егор быстро пробежал глазами временный файл, в который он копировал кое-что из того, что нашел, и понял, что все это чушь. Там была куча каких-то материалов о направленной электрической стимуляции мозга, психотронном оружии, психотронном терроре, жестком и мягком психопрограммировании, психотронной матрешке, психоэкологии, психозондировании и прочем. Там была масса конкретных фамилий и описаний конкретных экспериментов; были даже какие-то интервью из вполне солидных печатных изданий. Оставалось решительно непонятным, что все это такое: непонятным образом просочившаяся во всемирную паутину реальность, бред душевнобольных, фантазии каких-то шутников или истерический страх и без того легко управляемых людей перед тем, что ими будут управлять еще каким-то неведомым образом... Но что бы это ни было, к «эксперименту 2X» оно не могло иметь никакого отношения по очень простой причине: если подобные излучения действительно дают такие результаты, как утверждается, то не было бы никакой необходимости задействовать еще и гипноз. Как следовало из книги, использование излучений должно было всего лишь подкрепить действие гипноза и ослабить какие-то моральные (или нравственные? интересно, в чем все-таки разница?) принципы испытуемых, которые могли помешать им выполнить полученный под гипнозом приказ.

Значит, излучения – если они, конечно, на самом деле использовались в эксперименте – должны были быть достаточно слабыми. Но тогда откуда могли взяться необратимые и катастрофические последствия для психики? Тут опытный врач где-то внутри Егора яростно взбунтовался против бессмысленных интеллектуальных упражнений на пустом месте. В сущ-

ности, сейчас он оставался ровно там же, где начал свои изыскания. Поскольку вычислить, что из прочитанного имеет под собой хоть какие-то реальные основания, а что – всего лишь фикция неясной этиологии, то и относиться ко всему этому, как к материалу для анализа, довольно глупо.

Ладно, если уж не думать обо всем этом не получается, то можно, во всяком случае, опираться на изложенные в книге факты.

Стоп. Никто не гарантировал, что правдой можно считать все написанное. Это же не научное издание с подробно описанной процедурой эксперимента, в конце-то концов! Что мешало автору дать собственной фантазии порезвиться – даже если в целом он и описывал события, имевшие место в действительности?

Начнем с самого начала. Без чего сюжет в принципе не сложился бы?

Без приказа об убийстве – и, соответственно, без самих убийств. Егор вспомнил, что от испытуемых требовалось убивать свои жертвы ножом – в этом-то и был основной смысл эксперимента. Если бы убить можно было из пистолета, то – при должной квалификации экспериментаторов-гипнотизеров – сложностей с выполнением внушения у испытуемых, скорее всего, не возникло бы: ведь такое убийство на расстоянии, когда нет запаха крови, сопротивления жертвы, ее постепенно стекленеющих глаз, мало чем отличается от многочисленных компьютерных стрелялок, в которых народ крошит противника пачками и никаких моральных терзаний при этом не испытывает. Про это Егор тоже прочитал. Оказывается, подобные опыты действительно проводили и раньше – правда, в более гуманном варианте. Там испытуемых под гипнозом заставляли совершить убийство, а затем сопровождали их до самого момента их нападения на потенциальную жертву, дабы эту жертву при необходимости защитить. Однако защищать никого не пришлось: большинство испытуемых даже под гипнозом убить оказывались не способны. Они начинали рыдать, отшвыривали нож, впадали в ступор – но убить даже не пытались.

Значит, думать имело смысл только про сами убийства: их с максимальной вероятностью можно считать фактом. И, следовательно, все снова упирается в ту схему, которая до сих пор продолжала противно шуршать в кармане рубашки. Егор достал измятый листок, разложил перед собой на столе и с отвращением уставился на него. Если говорить о фактах, то главный вопрос – в каком качестве отец принимал участие в эксперименте.

Внезапно всплыло воспоминание, которое никогда прежде не обнаруживало своего существования: отец – злой, усталый и замерзший – вернулся с охоты, на которую его вытащил один из давешних полковников. Судя по всему, дело происходило еще в те времена, когда отец работал в госбезопасности: потом-то он встречался с бывшими коллегами только в день органов государственной безопасности и на днях рождения друг друга. Значит, самому Егору на момент той охоты было не больше двенадцати лет.

Конечно же, никакой добычи отец с охоты не принес – да, судя по всему, и не собирался. Его тогда страшно возмутило невероятное количество всяких штук, облегчающих жизнь охотнику. Он в тот вечер просто бесновался на кухне, рассказывая матери:

– Представляешь, они ж не на медведя ходят, не на кабана! Там хоть все было бы честному! Во всяком случае, если не с ружьем, а с ножом. Или ты, или тебя. Честное соревнование. Нет, они ведь на мелочь всякую идут – но у каждого по паре ружей, у Стаса еще прицел оптический... Намотали на себя кучу свитеров, курток, чтоб не дай Бог не замерзнуть. Стульчик раскладной – и то с теплым сидением. Плащ-палатка белая, чтобы на снегу не выделяться... Сволочи!

Марта Отговна в этот момент выразительно повела глазами в сторону Егора, который был несколько разочарован отцовскими словами. Ему бы тогда наверняка больше понравился какой-нибудь героический рассказ об охотничьих подвигах настоящих взрослых муж-

чин, а тут... Ясное дело, охотник делает все, чтобы прийти с добычей, что ж тут удивительного?! А зачем тогда вообще на охоту ходить?

Унять разъяренного мужа Марте Отговне оказалось не под силу.

– Знаешь, я понял одно: пока не изобрели огнестрельное оружие, жестокости вообще не было. Убийство ножом – не жестокость. Там все на равных. Жертва может убежать, ударить в ответ... А когда вот так, издали... Человек же в этом случае не платит ни за что! Он ничем не рискует, не видит мучения того, кого убивает...

– А если ножом убивают ребенка? – холодно осведомилась Марта Отговна. – Или спящего? Это не жестокость?

– Марта, я не говорю про частные случаи.

Немецкое происхождение и воспитание матери служили отцу постоянным поводом для шуток и обычно так и назывались в семье – «цирлих-манирлих», а сокращенное «Манирлих» было одним из ласковых прозвищ матери. Поэтому то, что отец не назвал мать, как обычно, Манирлих, явственно говорило, что он разошелся не на шутку.

Егору тогда не понравились слова отца, да и желанных подробностей он не услышал, поэтому счел за благо удалиться в свою комнату, предоставив маме продолжать философскую дискуссию или утихомиривать разбушевавшегося отца – на ее выбор.

Вот так. Убийство ножом – не жестокость. Лишь бы не ребенка и не спящего. Но, надо думать, жертвы и не были спящими детьми. Хотя кто знает этих отчаянных экспериментаторов... В книге про это, конечно же, ничего не было: ведь информации о самих убийствах «засланный казачок» другим испытуемым не сообщил.

В общем-то, Егор внутренне уже вполне согласился с тем, что именно отец был тем самым засланным казачком. Это значило, что убивать он мог только в роли «эвтанатора» – если, конечно, он им являлся.

И тут Егора по-настоящему накрыло. Он в одну секунду осознал, что все последние сутки думал о чем угодно – о роли отца в проклятом эксперименте, об излучениях, о том, убивал отец кого-то или не убивал, о том, что еще нужно выяснить, о том, почему он так легко поверил в реальность описанных в книге событий – но не о том, как ему теперь относиться к отцу. Можно было сколько угодно задавать дурацкие напыщенные вопросы типа «Как же он мог?!», но это ничего не решало и даже не меняло. Главное было в том, что теперь (и надо же, чтобы это случилось именно теперь!) на месте его прежних представлений об отце и его отношения к отцу, которое он привык считать нежной и восхищенной любовью, зияла холодная черная пустота. Или один огромный, но тоже черный и до пота на спине пугающий вопросительный знак.

Выходило, что его отец был совершенно другим человеком, нежели Егор думал всю жизнь. И дело было, в сущности, вовсе не в том, чем отец занимался на работе – этим экспериментом или какими-то другими, менее отвратительными. Дело было в том, что, если старший Силаков мог делать ТАКОЕ, то все, что Егор об отце помнит, нужно пересматривать и перетряхивать, как старую одежду. И скорее всего, большая часть этих воспоминаний после такого перетряхивания изменится до неузнаваемости. И к тому образу, который потом сложится из этих новых представлений, уже совершенно невозможно будет относиться по-прежнему. Может быть, его вообще невозможно будет любить.

Или возможно?

Егор никогда не считал себя тонким и избыточно чувствительным созданием, сотканным из сплошных нравственных выборов и категорических императивов, – но он все-таки был врачом. Он привык считать человеческую жизнь не то чтобы чем-то священным, но, во всяком случае, каким-то абсолютным, что ли... Пацифистом он тоже не был – зато был уверен: если бы кому-то из его близких угрожала бы смертельная опасность, и ее никак нельзя было бы предотвратить мирным путем – он бы убил, не задумываясь. И, возможно, даже не мучился бы потом

угрызениями совести. Правда, пока проверять эту уверенность на практике ему, к счастью, не приходилось. И уж точно не стал бы морщить нос, если бы кому-то из близких пришлось убить на войне, защищаясь или защищая. Если бы отец служил в разведке и убивал по каким-то тамошним надобностям – Егор и это бы принял. Но в этом чертовом эксперименте убийства совершались из чистого исследовательского интереса! И вот эта мысль приводила его просто-таки в ярость.

Егор отчетливо понимал: даже мысль о том, что отец мог бы убивать сам – хоть в роли обычного испытуемого, хоть в роли эвтанатора – не так потрясала его, как то, что отец мог увлеченно планировать подобный эксперимент, потом хладнокровно отслеживать его влияние на психику подопытных кроликов – и при этом вести с ним, Егором, всякие умные, тонкие, глубокие философские беседы.

Он попытался понять, как же все-таки можно назвать сейчас его отношение к отцу, – и ужаснулся: получалось, что более точного слова, чем отвращение, не находилось.

Интересно, что было бы, если бы он обо всем этом узнал, пока отец был жив... Смог бы он обсудить с отцом все это, постараться понять его резоны и рано или поздно примириться с ними?

Вряд ли.

Лучше ли было бы, если бы он вообще ничего этого не знал?

На этот вопрос ответа не находилось. С одной стороны – лучше. Правда, он жил бы примерно как человек, который за обе щеки уписывает экскременты, полагая их изысканным деликатесом, и молился бы на память о своем распрекрасном отце – истинном ученом и настоящем русском интеллигенте. С другой... Егор не мог представить, что с другой стороны, да это и неважно: в любом случае выбора у него не было. Он знал.

Весь следующий рабочий день прошел как в тумане. Макс заболел, поэтому никакой информации о втором томе не поступило. Егор еще накануне попытался поискать «Эксперимент 2X» в интернете сам – и не нашел. То ли его там действительно не было, то ли сказывалась некоторая недостаточность Егоровых компьютерных навыков... Теперь, кроме Макса, надеяться он мог еще только на собственные розыски в отцовском кабинете – а для этого надо было, по крайней мере, добраться до родительской квартиры.

Он еле дождался момента, когда смог сбежать из отделения, отбиваясь от настырных сестричек, жаждавших обсудить с ним будущую встречу Нового года.

Как он добрался до места, Егор тоже вряд ли смог бы вспомнить. Это не значило, что он как-то особо сильно рисковал по пути: водителем он был достаточно аккуратным и опытным, и, как всякий опытный водитель, умел ездить почти автоматически. Хотя каждый раз, когда он об этом думал, сама такая возможность несказанно изумляла его: даже обладая немалыми знаниями об устройстве человеческого мозга, он не мог понять, как можно выполнять такую сложную и многоплановую деятельность и не тратить на это ни единого грамма внимания?! Вот и сейчас он опомнился, только поставив свой аристократический вездеход под огромным старым тополем у родительского подъезда и выключив зажигание.

Этот тополь уже много лет угрожал свалиться, как только в Москве объявят очередное штормовое предупреждение, пройдет ураган, сильный снегопад или новомодный ледяной дождь. От старика отваливались ветки, суки, веточки – но он исправно стоял. Машины под ним парковать остерегались, но в крайних случаях делать это приходилось. В обычном состоянии Егор никогда не оставил бы свой любимый «Ренджровер» в таком опасном соседстве, но сейчас, когда это уже произошло по причине автопилотного состояния водителя, менять что-то не хотелось.

Егор забрал с заднего сидения свою походную сумку и почти побежал к подъезду. Целую минуту он страстно ненавидел лифт, который начал неспешное движение вверх как раз в тот

момент, когда Егор входил в подъезд, потом так же неспешно высаживал своих пассажиров где-то в районе двенадцатого этажа, потом делал свою обычную передышку...

Егор и сам не понимал, почему он так спешит. В любом случае, прямо сейчас начать обследовать отцовский кабинет он не сможет: ему ведь еще нужно придумать, как объяснить это матери. Пока они пообщаются, пока он придумает нужный предлог, пока обыщет все полки... Кроме того, в районе восьми появится Черепанов, и разговаривать придется еще и с ним. В общем, как ни крути, выходило, что, даже если этот пропащий второй том в отцовском кабинете имеется, то прочитать его можно будет не раньше полуночи.

Он не стал отпирать дверь своим ключом: ему почему-то очень хотелось, чтобы мать встретила его на пороге. И когда он увидел ее, то поразился: вдруг оказалось, что она за те полтора дня, что он ее не видел, как-то усохла и уменьшилась. Обычно ее макушка приходилась где-то на уровень его носа, но сейчас, обнимая ее, он ощущал себя огромным, неуклюжим и чрезмерно сильным. Вроде бы все как всегда – но все-таки чуть-чуть не так: одна прядка выбилась из челки, нос припудрен чуть сильнее, чем все остальное, макияж не вполне скрывает фиолетовые тени вокруг глаз, сережек нет...

Марта Оттовна прижалась к нему, и он почувствовал под своими руками, что ее дыхание сбивается. Егор бережно отстранил мать и взглянул ей в лицо. Так и есть: она, похоже, недавно позволила себе поплакать. Мать потянулась его поцеловать, – что вообще-то происходило нечасто, – и у него перехватило горло. Он подумал: а если бы она все это тоже знала? Ей было бы легче или наоборот? Впрочем, может, она и знала – и тогда ввали ему они оба...

Нет, вряд ли. Если бы мать знала, она бы не отнеслась так безразлично к тому, что он собрался читать «Эксперимент 2X».

Егор тут же почувствовал себя страшно виноватым, обнял мать за плечи и повел ее в кухню. Там (кошмар! страшный грех против идеи Безупречности!) в раковине стояли две невымытые чашки. Марта Оттовна, перехватив его взгляд, поспешила объяснить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.